

На правах рукописи

Султанова Рафохат Мирзоевна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Душанбе – 2021

Работа выполнена на кафедре русского языка МОУ ВО «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Научный консультант: **Салимов Рустам Давлатович**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка МОУ ВО
«Российско-Таджикский (Славянский)
университет»

Официальные оппоненты: **Азимова Матлюба Нуритдиновна**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры фонетики и лексикологии
английского языка ГОУ «Худжандский
государственный университет имени
академика Бободжона Гафурова»
Балхова Светлана Якубовна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры лингвистики Филиала
Московского государственного
университета имени М.В.Ломоносова в
городе Душанбе
Касимов Олимджон Хабибович,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой таджикского
языка ГОУ «Таджикский государственный
медицинский университет имени Абуали
ибни Сино»

Ведущая организация: Таджикский национальный университет

Защита диссертации состоится «5» января 2022 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 737.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при МОУ ВО «Российско-Таджикский (Славянский) университет» (734025, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, 30).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте МОУ ВО «Российско-Таджикский (Славянский) университет» (734025, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, 30; www.rtsu.tj).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Аминов Азим Садыкович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Интерес современных исследователей к вопросам языковой теории и практики, в частности к проблемам функционирования языка, наметил тенденцию всестороннего изучения зафиксированных в языке различных граней человеческого бытия. Комплекс существенных внешних факторов, выдвинувших лингвистику на одно из лидирующих мест в системе современного научного миропонимания, репрезентирован повышенным вниманием к человеку как производителю и потребителю, возрастающим интересом к отдельным культурам и языкам на фоне глобализации межнациональных связей, к исследованиям закономерностей языка и мышления, языка и общества, языка и культуры. Лингвистика последних десятилетий характеризуется антропоцентрической направленностью, ориентацией на проблему «человека в языке».

Существенным аспектом воспроизведения «человека в языке», бесспорно, является экспликация эмоциональности, оценочности и выразительности в языке. Первые попытки интерпретации средств образного построения речи, усиления ее эмоциональности и повышения ее выразительности были предприняты еще в античные времена. «Риторика» и «Поэтика» Аристотеля являются основным памятником античных теорий о совокупности приемов языковых средств для выражения тех или иных идей и мыслей. Изложенные в них основные теоретические положения не потеряли своей актуальности и в настоящее время, в частности система взглядов об эстетике языкового выражения, о красоте слова, передающейся в сочетании значения и звучания, о переносе значения слов и образности речи.

Вместе с тем, несмотря на многовековое конструктивное исследование образных средств языка, активные поиски способов их описания нельзя считать завершенными.

На современном этапе развития лингвистики при анализе языка художественных произведений исследователи оперируют такими терминами, как «стилистические средства», «стилистические приемы», «экспрессивные средства языка», «выразительные средства языка», «образные средства языка», «изобразительные средства языка», «тропы», «фигуры речи», используя их преимущественно в качестве тождественных понятий.

В русском языкознании проблемы исследования средств выразительности в свое время разрабатывали М.В.Ломоносов, Г.О.Винокур, В.В.Виноградов, А.М.Пешковский; их идеи нашли свое продолжение в области стилистики в трудах И.В.Арнольд, В.А.Кухаренко, И.Р.Гальперина, В.П.Москвина, Ю.М. Скребнева и многих других.

В отечественной лингвистике изобразительно-выразительные средства языка, в частности проблемы определения их природы, особенностей их функционирования в таджикском языке и художественной литературе и множество других проблем, связанных с функциональным потенциалом образных языковых средств, их таксономией, структурой и семантикой, до настоящего времени не становились объектом научных исследований.

Научные изыскания, в той или иной мере имеющие отношение к проблемам изучения средств выразительности, носят единичный характер и затрагивают преимущественно литературоведческий аспект. В связи с этим исследование выразительных средств таджикского языка приобрело особую актуальность.

Диссертационная работа посвящена изучению средств выразительности в таджикском языке и выявлению особенностей их описания, типологии и функционирования в русском и таджикском языках, а также установлению специфики передачи средств выразительности таджикского языка на русский.

Актуальность работы обусловлена не только отсутствием работ, выполненных в сопоставительном ключе и посвященных комплексному анализу образных средств языка, а также недостаточной разработанностью теории стилистических приемов в таджикском языке, но и тем, что сопоставительное изучение выразительных средств языка способствует установлению универсальных и специфических черт в лингвостилистике таджикского и русского языков. Вместе с тем актуализация выразительных средств языка в качестве лингвистических феноменов продиктована бурным развитием лингвистики, задачами которой является исследование слова в его грамматическом, семантическом, коммуникативном и функционально-стилистическом аспектах.

Степень научной разработанности. Проблеме исследования средств выразительности посвящены многочисленные труды зарубежных лингвистов в рамках изучения: стилистики (Аристотель, М.В.Ломоносов, Ш.Бали, И.А.Бодуэн де Куртенэ, И.В.Арнольд, Н.Д.Арутюнова, В.В.Виноградов, И.Р.Гальперин, И.Б.Голуб, В.П.Москвин); метафорологии (Дж.Лакофф, В.Н.Вовк, В.Г.Гак, Н.Д.Бессарабова); теории метонимии (М.В.Бондаренко, О.Э.Королева, А.Л.Новиков); теории сравнения (М.В.Беззубикова, А.В.Камышова); теории эпитета (А.В.Павшук, Т.М.Фадеева); теории антитезы (Е.С.Корюкина, Е.Б.Плаксина); теории гиперболы и литоты (Л.П.Крысин, Е.В.Поликарпова); теории иронии (Ю.В.Каменская, Ю.А.Кирюхин, Т.Н.Клименко); теории перевода (Т.А.Казакова, В.Н.Комиссаров, А.В.Паршин).

В таджикском языкознании проблемы изучения стилистических средств в качестве лингвистических феноменов не были предметом отдельных исследований, однако общим вопросам функционирования средств выразительности посвящены работы в области лексикологии (М.Н.Косимова, Х.Маджидов) и синтаксиса (Б.Камолиддинов).

Проводимые в таджикской науке немногочисленные исследования средств выразительности имеют преимущественно литературоведческую направленность. Так, определению и анализу образных средств как литературоведческих понятий посвящены труды таджикских литературоведов Т.Зехни, Ю.Бобоева, Х.Шарифова, С.Ш.Табарова, Х.Мирзозода, Р.Ходизода, Т.Атаханова и др.

Изучению роли средств выразительности в репрезентации идиостиля писателей посвящены работы Н.Саркорова «Эпитеты в «Шах-наме» Фирдоуси: образ и характер человека» (1999); О.Х.Касимова «Лексика и словообразование в «Шах-наме» Абулкасима Фирдоуси» (2016); М.К.Саломова «Метафорические выражения в газелях Хафиза Ширази: лингвистический анализ» (2000); «Языковые особенности газели поэтов XII-XIV веков (фонетическая, семантическая, лексическая и фразеологическая структура языка газели)» (2018); С.С.Абророва «Структура, семантика и грамматические особенности метафорических выражений в поэзии Ходжа Хусайна Хатлони» (2017); Г.Х.Икромовой «Лексико-семантические особенности газелей Бадриддина Хилали» (2018) и др.

Анализ научной литературы по теме исследования показал, что в отечественной лингвистике отсутствуют исследования, посвященные сопоставительному изучению стилистических средств, за исключением работы М.А.Сидиковой «Функционально-семантическое поле сравнения в таджикском и английском языках» (2018). Данное обстоятельство делает необходимым дальнейшую разработку вопросов сопоставительного изучения языков в данной области.

Объектом исследования являются такие средства выразительности лексического и лексико-синтаксического уровней таджикского и русского языков, как метафора и метонимия, эпитет и сравнение, антитеза и ирония, гипербола и литота.

Предмет исследования – лингвистический статус стилистических средств таджикского и русского языков, их функционально-стилистические и структурно-семантические характеристики.

Цель диссертационного исследования заключается в демонстрации лингвистического статуса стилистических средств, в выявлении и систематизации средств выразительности, функционирующих в таджикском языке и художественных текстах современных таджикских писателей, с последующим осуществлением их сопоставительного анализа в лингвостилистическом, структурно-семантическом и переводческом аспектах.

Указанная цель исследования предполагает решение **следующих задач:**

- охарактеризовать теоретические основы изучения изобразительно-выразительных средств в русской и таджикской лингвистике;
- выявить корпус таких изобразительно-выразительных средств таджикского языка, как метафора и метонимия, эпитет и сравнение, ирония и антитеза, гипербола и литота;
- представить системность метафор в таджикском языке в сравнении с русским языком;
- определить типологию метонимических переносов в таджикском языке;
- осуществить языковую репрезентацию предмета и образа сравнительных конструкций таджикского языка;

- описать морфологические и структурные типы эпитетов таджикского языка;
- представить семантическую типологию единиц, выступающих в роли компонентов эпифразы;
- провести структурно-семантическую классификацию таджикских антитезных конструкций;
- провести лингвистический анализ гиперболических высказываний;
- выявить способы языковой репрезентации иронии в современной таджикской художественной литературе;
- сопоставить особенности функционирования средств выразительности в русском и таджикском языках;
- определить способы и особенности передачи таджикских средств выразительности на русский язык.

Новизна исследования заключается в том, что впервые подвергается теоретическому изучению и комплексному анализу система выразительных средств таджикского языка. Определяется лингвистический статус метафоры и метонимии, эпитета и сравнения, антитезы и иронии, гиперболы и литоты, выявляются их функционально-стилистические и структурно-семантические характеристики, функциональный потенциал, особенности типологии и способы их передачи на русский язык. Новизна исследования также состоит в том, что впервые предлагается комплексное монографическое описание средств выразительности, используемых в таджикском и русском языках, в сопоставительном, функционально-стилистическом и структурно-семантическом аспектах. Впервые в качестве иллюстративного материала используется современная таджикская малая проза, к переводческому анализу привлекаются тексты рассказов современных таджикских писателей (на таджикском и русском языках), выявляются стилистические и грамматические трансформации, используемые при передаче средств выразительности таджикского языка на русский.

Теоретическая значимость исследования обусловлена поставленной целью и заключается в формировании новых знаний в изучении системы образных средств таджикского языка и параллельном их сопоставлении с системой образных средств русского языка. Функционально-стилистическое исследование выразительных средств таджикского и русского языков и их переводческий анализ является необходимым для понимания национального менталитета носителей сопоставляемых языков. Структурно-семантический вектор изучения средств выразительности лексического и лексико-синтаксического уровней позволяет диаметрально изменить сложившиеся в таджикской науке мнения о средствах выразительности как о литературоведческих понятиях и способствует определению их лингвистической природы и сущности. Различные аспекты исследования средств выразительности таджикского и русского языков расширяют лингвистическое представление о метафоре и метонимии как средствах вторичной номинации, об эпифразах и сравнительных

конструкциях, об антитезных и гиперболических выражениях, о компонентах иронического дискурса, способствуют дальнейшей разработке и обогащению теоретических аспектов стилистики сопоставляемых языков.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что сформулированные по результатам исследования выводы могут быть использованы в восполнении лакун в области стилистики таджикского языка, при создании сопоставительной стилистики как самостоятельного раздела языкознания, при создании двуязычных словарей. Представленный в работе обширный языковой материал может быть полезен в практике преподавания лекционных и практических занятий по русскому и таджикскому языкам, при разработке учебно-методической литературы, составлении учебных пособий по лексикологии и стилистике таджикского языка, теории и практике перевода, сопоставительной типологии. Полученные результаты целесообразно использовать при изучении средств выразительности других уровней, что будет содействовать более глубокому изучению национальной языковой картины мира.

Методологическая основа и методы исследования. Методологическую базу исследования составили достижения современного языкознания в области лексикологии, стилистики и переводоведения, содержащиеся в работах таких ученых, как Ю.Д.Апресян, И.В.Арнольд, Н.Д.Арутюнова, Ф.И.Буслаев, В.В.Виногардов, В.Г.Гак, И.Р.Гальперин, И.Б.Голуб, А.А.Потебня, Д.Э.Розенталь, В.Н.Телия, В.Н.Комиссаров, А.В.Паршин, Т.Зехни, Б.Камолиддинов, М.Н.Косимова, Х.Маджидов, Х.Шарифов и др. Сопоставительное изучение стилистических средств предполагает применение комплекса методов анализа. Решению поставленной цели в наибольшей степени отвечают методы сравнительно-сопоставительного, описательного анализа с применением приемов наблюдения, интерпретации, обобщения, классификации языкового материала. На разных этапах исследования применялись следующие методы: метод анализа научной литературы по теме исследования, изучение и сопоставление отечественного и зарубежного опыта в рамках анализируемой проблемы; метод сплошной выборки языкового материала; метод традиционного лингвостилистического анализа, который позволил выделить образные средства выразительности; при описании семантических и структурных особенностей компонентов сравнительных конструкций, эпитетов, антитезных и гиперболических выражений широко применялся метод компонентного и структурно-семантического анализа; при выявлении сочетаемости выразительных средств в тексте был использован метод контекстуального анализа; для обработки результатов исследования - метод количественного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В таджикском и русском языках изобразительно-выразительные средства лексического и лексико-синтаксического уровней - метафора, метонимия, сравнение, эпитет, антитеза, гипербола, литота, ирония, являются языковыми единицами и имеют лингвистический статус.

2. Метафора, будучи средством выразительности лексического уровня, выражается посредством наделения слова переносным значением на основе сходства двух явлений. В таджикском языке различают явную и скрытую метафору, в русском - языковую и речевую. Метафорический перенос значения в сопоставляемых языках производится в пределах 5 семантических сфер, из которых общими являются переносы по моделям «Предмет → Предмет», «Предмет → Физический мир», «Предмет → Психический мир», «Человек → Человек», «Предмет → Человек», «Физический мир → Психический мир».

3. Процесс метонимизации в таджикском языке, в отличие от русского языка, может развиваться не только на смежности значений, но и на основе любого признака предмета, кроме признака сходства. Из пяти известных типов связи смежных денотатов метонимический перенос в таджикском языке осуществляется преимущественно по каузативному типу. В отличие от русского, в таджикском языке метонимический перенос производится не только в пределах одной части речи, но и в рамках других частей речи.

4. В отличие от русского языка, сравнение в таджикском языке подвергается семантической дифференциации. В структурном плане, несмотря на идентичное оформление и состав компаративных конструкций, наблюдаются различия в теоретическом истолковании. Таджикские компаративные конструкции являются четырехкомпонентными и состоят из предмета, образа, основы и показателя сравнения. Предмет сравнения в компаративных конструкциях таджикского языка преимущественно представлен номинациями объектов антропологической сферы, а образ – натурфактными объектами.

5. Превалирующая часть эпитетов в таджикском и русском языках имеют адъективное выражение. Используемые в таджикских художественных текстах эпитеты репрезентируются преимущественно адъективами, определяющими субъект, характеризующими лицо, а также указывающими на физические свойства, причем наибольшее количество субстантивов эпитетов - из сферы натурфактов и антропологической сферы.

6. В отличие от большого числа таксономий антитез в русском языке, в таджикском языке антитезы дифференцируются только по одному критерию: различаются языковой, контекстуальной и тематической видами антитезы. Функционирующие в художественных текстах антитезные выражения представлены большей частью разнокорневыми узуальными антонимами, простыми, однокомпонентными коррелятами.

7. В сопоставляемых языках литота рассматривается в качестве «малой гиперболы». В противовес множеству выдвигаемых в русской лингвистике классификаций, основанных на различных критериях дифференциаций, в таджикском языке выделяют только две разновидности гиперболы – *игроқ* и *гуллув*.

8. Наиболее продуктивными репрезентантами иронии в сопоставляемых языках являются поговорки и идиомы. Ирония также может быть представлена различными стилистическими средствами.

9. Передача таджикских средств выразительности на русский язык осуществляется преимущественно точно и полно. Используемые в процессе перевода стилистические трансформации способствуют адекватной передаче исходного текста. Сохраняется оригинальность стиля таджикских авторов, выразительность стилистических приемов и смысловое содержание текстов.

Материалом для исследования послужили лексические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [ФТЗТ, 2010], «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» [ФТР, 2006], из текстов современной таджикской малой прозы на таджикском языке и их переводов на русский, в частности произведений таких современных таджикских писателей, как Ато Хамдам, Бахманёр, Мехмон Бахти, Урун Кухзод, Абдулхамид Самад, Сорбон, Саттор Турсун, Бахром Фируз, Саодат Одиназода. Всего в исследовании проанализировано около 500 примеров из лексикографических источников и около 3000 контекстов на таджикском и русском языках, содержащих соответствующий иллюстративный материал.

Достоверность результатов исследования и апробация работы. Достоверность полученных результатов и обоснованность выводов обеспечиваются согласованностью выдвинутых автором теоретических положений, достаточным объемом исследуемого материала, а также использованием методов, адекватных изучаемому предмету и задачам исследования.

Основные результаты диссертационного исследования, его теоретические и практические аспекты обсуждались на заседаниях научно-теоретических семинаров кафедры русского языка (2017-2020); были представлены в докладах на научных конференциях разного уровня: традиционных вузовских научно-практических конференциях (XXI-XXV «Славянские чтения» - 2017-2021); ежегодных международных научно-практических конференциях «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (2016-2020); республиканских научно-практических конференциях «Актуальные проблемы преподавания русского языка в современной языковой ситуации» (2017); «Наследие С.Айни в контексте современных проблем филологии» (2018); «Проблемы формирования вторичной языковой личности на занятиях в школе и вузе» (2020); «Лингвистические основы преподавания русского языка в школе и вузе» (2021); международных научно-практических конференциях «Роль Российско-Таджикского (Славянского) университета в становлении и развитии науки и инновационного образования в Республике Таджикистан» (2016); «Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка» (2016); «Актуальные проблемы русской филологии, сравнительной типологии и перевода» (2016); «Интеграционные процессы в науке в современных условиях» (Казань, 2016); «Русский язык и литература: современные проблемы и инновационные пути развития» (2017); «Русский язык и литература в странах СНГ: статус, проблемы и

перспективы» (2017); «Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире» (Екатеринбург, 2017); «Образование и наука в современных реалиях» (Чебоксары, 2020).

По теме исследования опубликовано 2 монографии, 47 статей, 22 из них в журналах, входящих в обновленный реестр ВАК РФ, 1 – в журнале, индексируемом Web of Science, 1 учебное пособие.

Объем и структура работы. В соответствии с поставленной целью и задачами диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность проблематики исследования, определяются предмет, цель и задачи, научная новизна работы, указываются материал, методологическая база исследования, обосновываются теоретическая ценность и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, характеризуются методы исследования.

В первой главе «Лексические средства выразительности в русском и таджикском языках: метафора и метонимия», состоящей из двух разделов и восьми параграфов, рассматриваются теоретические предпосылки изучения метафоры и метонимии в зарубежной лингвистике, вопросы изучения данных средств выразительности в таджикской науке, системность метафор и типология метонимических переносов в таджикском языке, а также особенности передачи таджикских метафорических и метонимических единиц на русский язык.

Первый раздел данной главы «Метафора» содержит обзор научной литературы, посвященной изучению природы метафоры, ее функционального потенциала и типологии в русском и таджикском языках, а также лингвистический и переводческий анализ метафорических выражений.

В параграфе 1.1.1. Аспекты исследования метафоры в зарубежной лингвистике проводится обзор теоретической литературы, посвященной проблемам определения лингвистической природы метафоры, выполняемых ею функций и ее типологии. Первоначальный интерес к метафоре был проявлен еще Аристотелем, который видел в метафоре способ номинации предмета или явления «не принадлежащим ему именем» посредством сходного или сопоставленного элемента [1, с.68].

На протяжении многовековой истории изучения метафоры как языкового явления так и не был решен вопрос о ее двойственной природе - как языкового средства и как поэтической фигуры.

В сложившейся на сегодняшний день теории метафоры существуют неоднородные, порой противоречивые гипотезы относительно выполняемых данным средством выразительности функций. Так, риторики считают, что метафора может выполнять три функции: эстетическую, аксиологическую и номинативную.

В зависимости от выполняемых функций Н.Д.Арутюнова вычленяет номинативную, образную, когнитивную и генерализирующую метафору [2, с.168].

Среди зарубежных ученых-лингвистов не сложилось единого мнения также относительно вопроса классификации видов метафоры. Если одни ученые ограничиваются лишь различием языковой и художественной (речевой, поэтической) метафоры, выделяя при этом общую для них развернутую метафору, то другие, проводя более углубленное и детальное исследование, предлагают различные классификации этого понятия.

До сих пор ни одна лингвистическая теория не в состоянии эксплицировать феномен метафоры, особенности и закономерности ее функционирования. Метафора, несмотря на огромное количество исследований, на сегодняшний день остается нерешенной проблемой лингвистики.

В параграфе 1.1.2. Теоретические основы исследования метафоры в таджикском языке отмечается, что, несмотря на повышенный интерес к метафоре в зарубежной лингвистике, отечественная наука не располагает достаточным количеством исследований в данном направлении. Закономерным становится тот факт, что при таком малом количестве исследований вопросы понятия и сущности метафоры, особенности ее функционирования в таджикской художественной литературе и множество других проблем, связанных с типологией, структурой и функциями данного понятия, остаются неразрешенными. В связи с этим нами предпринята попытка обобщить существующий на данный момент в таджикской филологии объем информации по вопросу о природе метафоры и ее типологии.

Метафора, согласно трактовке, предложенной С.Ш.Табаровым, переводится на таджикский язык как «истиора, мачоз, киноя, таъриз» [14, с.45], согласно «Русско-таджикскому словарю» (далее РТС) – это «мачоз, истиора» [12, с.478]. В «Таджикско-русском словаре» (далее ФТР) таджикское слово *истиора* переводится как «метафора, переносное выражение, иносказание, аллегория» [13, с.254].

Автор «Краткого словаря литературоведческих терминов» Х.Мирзозода в словарной статье «истиора» приводит следующее толкование метафоры: «Метафору можно назвать развитием сравнения или одним из его видов. <...> Таким образом, с точки зрения тождественности представление предмета описания и его названия в переносном значении является метафорой» [10, с.47].

Т.Зехни рассматривает метафору как одно из проявлений переносного значения, подразумевающее использование одного слова вместо другого. «Метафоричность выражается посредством наделения слова переносным значением на основе схожести двух явлений. То есть метафора тождественна такому стилистическому приему, как сравнение; другими словами, метафора проявляется посредством дальнейшего развития скрытого сравнения, отличительной чертой которого от метафоры

является то, что сравнение называет и определяемое (монандкунанда), и определение (монандшаванда)» [4, с.58].

Х.Шарифов трактует данный термин как «третий вид маджоза, заключающийся в сравнении без сравниваемого элемента» [9, с.101]. Интересно в данном толковании использование понятия «маджоз», которое многими учеными причисляется к разряду средств выразительности. Так, согласно «Толковому словарю таджикского языка» (далее ФТЗТ), понятие «маджоз» надделено двумя значениями: «1. а. *Кн.* Неправда, против правды; 2. *Лит., лингв.* слово или словосочетание, использованное не в своем настоящем (прямом) значении, тождественном по каким-л. признакам основному значению слова» [11, с.818]. Значит, эквивалентом данного понятия в русском языке можем считать термин «переносный» - *маънои маҷозӣ – переносное значение.*

Однако в ФТР термин «маджоз» переводится так: «*Лит., лингв.* метафора; аллегория; иносказание» [13, с.342].

Диссертационная работа М.К.Саломова, выполненная на таджикском языке, называется «Ифодаҳои маҷозӣ дар ғазалиёти Ҳофизии Шерозӣ», автореферат данной работы представлен под названием «Метафорические выражения в газелях Хафиза Ширази». В работе ученый проводит исследование понятия «маджоз», аргументируя его теоретические основы иллюстрацией метафорических выражений (Саломов, 2000).

В данном аспекте примечательно замечание Х.Маджидова об обязательном разграничении этих двух понятий: «<...>, лексический маджоз следует отличать от различных типов переноса значения, известных как традиционные художественные средства» [5, с.10].

Современные таджикские исследователи выделяют две разновидности метафоры: явную (равшан – досл. ясная) и скрытую (пӯшида).

Явная метафора, получившая в классической литературе название «истиораи биттасреҳ», заключается в указании лишь на образ или понятие, которое при сравнении с исходным понятием наделяется новым для слова переносным значением, это и есть собственно метафора. Если в явной метафоре называется лишь определение, то скрытая метафора подразумевает указание какого-либо признака или приметы определяемого понятия в дополнение к самому определяемому.

Параграф 1.1.3. Системность метафор в таджикском языке посвящен исследованию языковых явлений в неразрывном единстве и выявлению причинно-следственных связей между денотатами компонентов метафорических выражений таджикского языка.

В процессе классификации более 300 метафор-существительных было выделено 5 семантических полей, включающих в себя все объекты действительности: 1) предмет; 2) человек; 3) животный мир; 4) физический мир; 5) психический мир.

Проведенная классификация позволила выявить наиболее продуктивные типы метафорических переносов в таджикском языке. Если еще в древности Аристотель определил направление метафорических переносов как «изменение значения из рода в вид, из вида в род, из вида в

вид или по аналогии» [1, с.66], то в ходе нашего исследования были обнаружены следующие десять наиболее распространенных в таджикском языке типов метафорического переноса: 1. Предмет → Предмет (ғарами хуччат – гора документов); 2. Предмет ⇔ Человек (сандуқи дил – грудная клетка); 3. Физический мир ⇔ Предмет (точи офтоб – солнечная корона); 4. Предмет ⇔ Психический мир (алмоси фикрат – острота мышления); 5. Физический мир ⇔ Психический мир (авчи шӯҳрат – апогей славы); 6. Физический мир → Физический мир (гардиши фалак – превратности судьбы); 7. Психический мир → Психический мир (камоли зароватгӯй – изощренность в остроумии); 8. Человек ⇔ Физический мир (фарзанди замон – дитя века); 9. Человек → Психический мир (мунодии сулҳ – глашатай мира); 10. Человек → Человек (чамъияти тосинфӣ – доклассовое общество).

Сравнительный анализ семантической системности привлеченных в метафорический процесс денотатов русского и таджикского языков показывает, что расхождения имеются как в количественном плане (в русском языке 8 типов метафорического переноса, в таджикском – 10), так и в плане одно- и разнонаправленности переноса. Так, если в русском языке, согласно данным Г.Н.Скляревской, процесс метафоризации совершается в жесткой последовательности в строго установленном направлении [7, с.54], то в таджикском языке перенос значения допускается в разных направлениях и без определенной системности и выдержанности.

Значительные расхождения наблюдаются также и в объеме количественного распределения метафорических переносов. Самым распространенным типом в русском языке является метафоризация в направлении от семантической сферы «Предмет» к сфере «Психический мир», а в таджикском – модель «Физический мир ⇔ Психический мир».

В параграфе 1.1.4. Особенности передачи таджикских метафорических единиц на русский язык проводится переводческий анализ исходных и переводных текстов.

При сопоставлении текстов перевода с оригиналом обращает на себя внимание тот факт, что на лексическом уровне автор перевода старается максимально точно передать средства выразительности оригинала, сумев удачно подобрать лексемы переводящего языка, в той или иной мере стилистически соответствующие исходному языку. Подтверждением этому может служить следующий пример сохранения эмоционально-экспрессивной ценности авторских метафор: *Ўро биёред, ба дораи кашед, то ман бо чаимҳои худ <...> бубинам, ки чӣ тавр бод бо камончаи худ тори тани ўро навохта ромшигарӣ мекунад!* [15, с.230]. - *Приведите его и повесьте, чтобы я собственными глазами <...> увидел, как ветер своим смычком заиграет и споет на струне его тела* [16].

Исследование перевода лексических единиц и сочетаний метафорического содержания позволило выявить факт передачи некоторых языковых образов метафорических словосочетаний подлинника на эквивалентной семантической основе, тождественной по номинативной

функции: *Аз тарс шояд оянд, вале бо фармони дил намеоянд!* [15, с.231]. - *Быть может, придут – из страха, но не по велению сердца!* [16].

В теории перевода выделяются так называемые лексические замены, которые допустимы при ассоциативном или узуальном несоответствии между компонентами лексической системы двух контактирующих языков. Так, например, слово *харигарӣ* содержит в себе коннотативную сему 'невежество' и образует импликационал слова *хар* (*осел*) в его первичном значении. В свою очередь, русское слово *свинство* так же содержит в себе коннотативную сему 'невежество', образует оно импликационал слова *свинья* в его первом значении:

Чунон шабеҳ ки гӯё яке аз ин махлуқот нақши осмон гашта, харигариши моро таҷассуми кайҳонӣ меод [15, с.235]. - Сходство с саранчой было столь очевидно, что казалось, будто одно из этих мерзких существ, повиснув в небе, придавало нашему свинству вселенские масштабы [16].

Анализ иллюстративного материала позволил также выявить и другой, не менее востребованный переводчиками, способ передачи подвергнутых метафоризации единиц. В теории переводоведения такой способ известен как прием замены образной единицы эквивалентной метафорой переводящего языка. Подобная замена позволяет в случае непереводимости той или иной образной единицы подобрать в переводящем языке сочетание с идентичным переносным значением, эксплицированным иными образами. Например:

«Ин асои дароз кам касаке нест» - аз пеши худ гуфт Чоку ва маънидор ба асири худ нигарист [15, с.223].- «Этот длинный костыль не мелкая сошка»,— сказал себе Чоку и многозначительно посмотрел на своего пленника [16].

Проблематичность передачи метафоры с одного языка на другой в значительной степени основана на различиях между метафорическими системами языков. Известны случаи несоответствия объема экспрессивности на схожей семантической основе, когда замена образного средства осуществляется неравнозначной в стилистическом отношении лексемой, что можно наблюдать в следующем предложении:

Аммо мардум наметавонистанд як умр лаббаста бошанд [15, с.226]. - Но люди не могли молчать всю жизнь [16]. - Лаббаста будан (досл.быть с завязанными губами) – молчать.

В исследованном иллюстративном материале не было выявлено факта игнорирования и опущения переводчиком метафор, использованных автором исходного текста.

Во втором разделе первой главы «Метонимия» исследуется научная литература, посвященная сформировавшейся на сегодняшний день теории метонимии, а также проводится лингвистический и сопоставительный анализ метонимических выражений.

В параграфе 1.2.1. Теоретические предпосылки изучения метонимии в русской лингвистике проводится анализ научной литературы, прослеживается динамика научных взглядов на лингвистический статус метонимии.

В силу своей частой употребительности в разных языках, метонимия - это одно из важнейших лингвистических универсальных понятий. Данный феномен обратил на себя внимание философов и мыслителей еще в древние времена. Древние лингвистические теории не могли остаться незамеченными и не оказать влияния на развитие лингвистики и филологии в последующие эпохи. Так, первая развернутая интерпретация метонимии в русском языкознании была предложена М.В.Ломоносовым. Последующее исследование метонимии как средства выразительности было проведено в трудах Ф.И.Буслаева, А.А.Потебни, В.В.Виноградова, И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Большинство теоретических и лексикографических источников определяют метонимию как «вид тропа», «риторический троп», «оборот речи», тем самым ставя под сомнение ее лингвистическую сущность.

Попытки дифференцировать литературоведческое и лингвистическое понимание термина «метонимия» были предприняты в научных исследованиях последних лет, где ученые рассматривают метонимию как лингвистическую категорию с разных точек зрения и в разнообразных аспектах, а именно: как способ номинации и средство семантической деривации различных частей речи (Г.И.Кустова, Е.В.Падучева, Р.И.Розина, Е.В.Рахилина).

В исследованиях различных лет огромное значение приобретает дифференциация метонимии в языке и речи, в связи с чем выделяются два вида метонимии: языковая и речевая. Под языковой метонимией подразумевается лексическая, узуальная, стертая метонимия, тогда как речевая метонимия является окказиональной, авторской.

Сложившаяся на современном этапе развития лингвистики теория метонимии и метонимических переносов располагает неоднородными, зачастую противоречивыми, суждениями относительно функционального потенциала данного средства выразительности. С точки зрения античных риторов, метонимия, как и метафора, имеет три назначения: эстетическое, номинативное и оценочное. Наряду с перечисленными функциями метонимии современные ученые выделяют еще лексико-семантическую и стилистическую (А.В.Новиков), эвфемистическую (И.Н.Никитина), индивидуализирующую и характеризующую (А.Р.Мухтарулина), усилительную и уточняющую (С.А.Губанов) и др.

Многочисленные, порой противоречивые мнения высказываются учеными также относительно таксономии метонимии. Обобщением всех распространенных классификаций является классификация А.Г.Удинской, которая выделяет 5 типов метонимического переноса: каузативный (причинно-следственный), темпоральный (временной), атрибутивный (определятельный), локальный (пространственный) и партитивный (синекдоха) [8, с.7].

В параграфе 1.2.2. К вопросу об изучении метонимии в таджикском языке рассматриваются вопросы изученности данного средства выразительности в трудах отечественных ученых.

В таджикском языке в силу необъяснимых причин метонимия, как впрочем, и другие средства выразительности лексического и синтаксического уровня, не являлась объектом отдельных исследований. На сегодняшний день в таджикском языке не зафиксировано ни одного исследования как литературоведческого, так и лингвистического характера, которое было бы посвящено различным вопросам изучения метонимии как одного из наиболее продуктивных средств образования полисемии, ни одной работы, в которой нашли бы отражение проблемы метонимических переносов и особенности функционирования лексем, участвующих в процессе метонимизации. В связи с этим определение дефиниции и природы метонимии возможно преимущественно при обращении к лексикографическим источникам.

Так, «Русско-таджикский словарь литературоведческих терминов» интерпретирует данное понятие как «краткость, изменение названия; в художественном тексте или речи персонажа замена слова другим словом или кратким синонимичным словосочетанием» [14, с.67].

РТС предлагает нам следующий перевод этого понятия: «*Лит.* киноя» [12, с.479]. В двух «Словарях литературоведческих терминов» на таджикском языке (1966 и 2002 годов издания) не зафиксировано словарных единиц, которые в той или иной мере могли бы выступать эквивалентами метонимии.

В словарной статье, размещенной в другом лексикографическом источнике и посвященной такому термину, как «мачози мурсал», дается следующее определение: «конструкция слов и словосочетаний, используемых в своем неосновном значении, наделенных какими-либо смысловыми отношениями помимо сходства. Посредством этого средства художественной выразительности говорящий, называя определенный объект, поясняет нечто другое» [10, с.66].

Т.Зехни среди прочих средств выразительности и стилистических фигур отмечает термин «мачози мурсал», который трактует как «слово и конструкция слов, используемых не в прямом значении и наделенных одним из видов отношений, за исключением отношения сходства» [4, с.38]. Обращаясь к вопросу типологии метонимических переносов, ученый напоминает, что в стилистике классической поэтической речи выделяли 25-30 типов метонимии. Однако Т.Зехни упоминает только три из них: сосуд-содержимое, общее-частное, целое-часть.

Несколько иная типология метонимии приведена С.Ш.Табаровым, который выделяет следующие ее виды: метонимия вещества, метонимия времени, метонимия места, метонимия признака, метонимия принадлежности, метонимия средства [14, с.67].

Под метонимией в таджикской науке подразумевается более широкий спектр ее функционирования. Если «русская» метонимия – это перенос номинации, основанный только на смежности значений, то в таджикском языке процесс метонимизации может развиваться на основе любого признака предмета, кроме признака сходства.

В параграфе I.2.3. Типология метонимических переносов в таджикском языке выявляются 5 основных типов связи смежных денотатов: каузативный, темпоральный, пространственный, атрибутивный, партитивный. Классификация полисемичных единиц проводится с точки зрения трех языковых аспектов: 1) принадлежности слова к конкретной тематической группе; 2) принадлежности слова к определенной части речи; 3) принадлежности слова к определенному лексико-грамматическому разряду. Анализируемый материал в объеме 200 единиц был почерпнут из «Таджикско-русского словаря».

Результаты семантического и количественного анализа позволили выявить, что наиболее продуктивным типом метонимического переноса является каузативный тип, представленный одной третью исследуемых образцов (72 единицы, или 33% от общего числа). Данный тип репрезентирован такими связями смежных денотатов, как «растение → изображение этого растения» (**Баргак** – 1. Листок (растения); 2. Баргак (женские налобные подвески и серьги в форме листиков); «часть тела → функции, выполняемые этой частью тела» (**Чашм** - 1. Глаз, око; 2. Взгляд, взор); «часть тела → нумератив при счете» (**Тан** – 1. Тело, туловище; 2. Нумератив при счете людей); «объект действия → результат действия» (**Бадеха** – 1. Экспромт, импровизация; 2. *Лит.* стихи, сказанные экспромтом; 3. *Муз.* импровизация) и др.

Примечательно, что данный тип метонимического переноса осуществляется не только существительными, но и прилагательными, например, «признак, относящийся к растению → признак, характеризующий его цвет» (**Гулобӣ** – 1. Розовый; 2. Розового цвета); «признак, характеризующий цвет лица → признак, характеризующий человека с таким цветом лица» (**Бенур** – 1. Тусклый, бесцветный, блеклый; 2. Некрасивый, подурневший).

Следующим по продуктивности оказался партитивный тип метонимического переноса, или синекдоха, образцы которого составляют пятую часть иллюстративного материала (43 единицы, или 21%). Данный тип связи представлен многочисленными моделями, наиболее объемными из которых являются: «растение → плод этого растения» (**Себ** – 1. Яблоко; 2. Яблоня); «растение → древесина этого растения» (**Булут** – 1. *Бот.* дуб; 2. Древесина дуба); «строение → внутренняя часть этого строения» (**Хона** – 1. Комната, помещение; 2. Жилище, жилье; 3. Здание, дом); «часть отрезка времени → отрезок времени» (**Аср** – 1. Век, столетие; 2. Эпоха; 3. Сумерки, вечер); «внешность → компонент внешности» (**Вачанот** – 1. (мн.от вачна) *Кн.* щеки; 2. Внешний вид).

Почти в равном объеме с синекдохой представлен атрибутивный тип метонимического переноса – всего 38 единиц, или 19%, представленный как именами существительными, так и прилагательными, например в моделях: «цветок растения → признак, характеризующий его цвет» (**Гулнор** – 1. Цветок граната; 2. *Пер.* ярко-красный, алый); «признак, отвлеченный от его носителя → признак предмета» (**Гирд** – 1. Круг, окружность; 2. Круглый, шарообразный); «признак, имеющий отношение к

географическому объекту → название жителей этого географического объекта» (**Британӣ** – 1. Британский; 2. Британец); «признак, характеризующий человека → человек, характеризующийся этим признаком» (**Бузургчусса** – 1. Исполинский, огромный; 2. Исполин, великан, богатырь).

Таким образом, участвующие в процессе метонимизации единицы представлены в своем большинстве именами существительными. Метонимический перенос осуществляется в рамках разных частей речи.

В параграфе I.2.4. Использование переводческих трансформаций при передаче таджикских метонимизированных единиц на русский язык сопоставительному анализу подвергаются художественные тексты на таджикском и русском языках.

Проведенный анализ способов передачи лексических единиц, участвующих в процессе метонимизации, и обзор исследований, содержащих практическое рассмотрение процесса передачи средств выразительности, показали, что большая часть метонимических переносов универсальна, построена на одинаковых моделях и потому не вызывает затруднений при переводе. Иначе говоря, степень универсальности метонимии сказывается на ее переводимости, ее буквальном переводе.

Так, метонимический перенос по модели **«часть-целое»** является самым продуктивным и наиболее идентифицируемым как в русском, так и в таджикском языке. Например, в предложении *Аз ҳамон баландиҳои дур чашмонам чароги хирасӯзи кулбаи модарро мечустан, зеро он чо қалбе барои рафтани ман хун мегирифт* [17, с.58]. - *Даже с этих дальних высот мои глаза искали тусклый свет* маминой лачуги, *ведь там чье-то сердце* горько обливалося слезами *из-за моего отъезда* [18, с.104] - можем наблюдать одновременно три случая метонимизации лексем: *чашмонам* (*мои глаза*) для обозначения субъекта – *ман* (*я*); *чароги кулба* (*свет в лачуге*) вместо самого объекта *кулба* (*лачуга*); *қалб* (*сердце*) для обозначения субъекта. В этом примере исходные метонимические переносы фактически не представляют сложности для перевода, так как в плане структуры и содержания способы их выражения идентичны в таджикском и русском языках.

Несмотря на универсальность этого типа переноса и его идентифицируемость, наблюдаются случаи неадекватной передачи метонимизированных единиц, например: *Баданҳо роҳат мекарданд, устухонҳо сабуки мегирифтанд* [17, с.253] (*досл.тела отдыхали, кости облегалась*). - *Люди отдыхали* [18, с.349].

Метонимический перенос по модели **«общее-частное»** является вторым по продуктивности как в русском, так и в таджикском языке. Анализ фактического материала показал, что значительная часть метонимий, образованных по данному типу, передается на русский язык буквально, не теряя при этом образности и сохраняя смысловое содержание контекста. Так, в предложении *Иван Федорович, ки тамоми шаб мунтазири баромадани садои пулемет меистод, эскадронро дафъатан ба ҳуҷум бурд* [17, с.254]. - *Иван Федорович, услышав пулеметную очередь, которую ждал всю ночь,*

немедленно поднял эскадрон и повел в атаку [18, с.349] лексема *эскадрон* выступает в качестве общего понятия, указывая при этом на частное - людей, служащих в этом эскадроне.

Наиболее востребованными в современной таджикской малой прозе являются метонимические переносы значения, реализованные по типу синекдохи, основанной на моделях «целое-часть», «общее-частное». Как правило, при их передаче на русский язык используется буквальный перевод, подразумевающий общность языковых традиций репрезентации индивидуальных особенностей контактирующих языков.

Во второй главе «Сопоставительный анализ стилистических средств выразительности в русском и таджикском языках: сравнение и эпитет», состоящей из двух разделов и восьми параграфов, освещаются теоретические аспекты исследования сравнения и эпитета в русском и таджикском языках, исследуются лингвистические особенности данных средств выразительности, а также выявляются использованные при передаче сравнительных конструкций и эпифраз типы переводческих трансформаций.

Первый раздел «Сравнение» состоит из четырех параграфов и посвящен изучению и сопоставлению отечественного и зарубежного опыта в рамках теории сравнения, выявлению способов языковой репрезентации компонентов сравнительных конструкций в таджикском языке, а также определению специфики их передачи на русский язык.

В параграфе 2.1.1. Лингвистическая природа, функции и типология сравнения представлена исходная теоретическая база исследования данного стилистического средства в русской лингвистике.

Будучи универсальным лингвистическим понятием, сравнение обратило на себя внимание мыслителей еще в древние времена. Рассматривалось сравнение преимущественно с риторико-поэтологической точки зрения как вид тропа, образное словесное выражение. В качестве лингвистического феномена сравнение изучали М.В.Ломоносов и Ф.И.Буслаев.

Последние десятилетия ознаменованы появлением большого количества направлений в изучении сравнения, наиболее важными из которых являются лингвоструктурное и функционально-стилистическое. Дискуссионным остается вопрос о целесообразности причисления данного стилистического средства к средствам языковой выразительности. Проблематичной представляется также традиция рассмотрения сравнения в качестве разновидности метафоры.

Обобщая существующие на сегодняшний день дефиниции сравнения, можно интерпретировать его как лингвистическую единицу, представляющую собой сопоставление двух предметов, предполагающих наличие общего признака, с целью выяснения их сходства или различия.

В качестве основных функций сравнения выделяют оценочно-характеристическую, субъектно-познавательную, описательно-изобразительную и функцию конкретизации.

Как любой лингвистической единице, сравнению свойственны особые, отличные от иных феноменов языка, признаки структурного или семантического плана. Так, специфическая черта сравнения как образного средства заключается в трехкомпонентной ее структуре, состоящей из, во-первых, предмета или явления, подвергающегося сравнению, - так называемого субъекта или предмета сравнения; во-вторых, предмета или явления, с которым сравнивается первый предмет, другими словами – объекта или образа сравнения; в-третьих, общего для двух сравниваемых признака – основания сравнения.

Различные лингвистические исследования, отмечая трехкомпонентную структуру сравнительных конструкций, указывают на способы их языкового выражения. Эти способы именуются различными терминами – «показатели сравнения» и «показатели сравнительных отношений».

Показателями сравнительных отношений могут выступать средства лексического (слова *похожий, подобный, напоминает, сопоставить, образец, модель* и др.), словообразовательного (суффиксы, несущие в себе дополнительную коннотацию превосходства или уменьшительности, например *-ин-, -иц-, -ек-, -оньк-, -еньк-, -оват-, -еват-* и др.), морфологического (формы степеней сравнения прилагательных и наречий) и синтаксического (предлоги *подобно, свыше, вроде, прежде, после, согласно* с и др.; обороты со сравнительными союзами *как, словно, как будто, равно как, так же как и, не только...но и, как...таки*) уровней.

Параграф 2.1.2. Теория сравнения в трудах отечественных ученых носит обзорно-аналитический характер. В ней излагаются теоретические предпосылки исследования сравнения в таджикской науке.

Среди вербальных средств выразительности сравнение является одним из наиболее изученных в отечественном литературоведении. Вопросы его разработки и исследования рассматриваются в работах таких таджикских литературоведов, как Х.Шарифов и Т.Зехни. Подробная интерпретация и дефиниция термина «сравнение» обнаруживается в таджикских лексикографических источниках. В таджикском языке данное средство выразительности именуется словом арабского происхождения «ташбех». Относительно истолкования природы сравнения среди отечественных исследователей не отмечается разногласия, они определяют его следующим образом: «Ташбех - это уподобление. Писатель для более красочного изображения предмета или явления уподобляет один из его признаков свойствам другого предмета или явления. Однако между уподобляемым и уподобляющим необходимо наличие одного вида сходства, будь то качество, свойство или поведение. Сравнение служит для более выразительного, четкого и красочного изображения какого-либо художественного эпизода» [4, с.42].

В противовес сложившейся в российском языкознании традиции репрезентации трехкомпонентной структуры сравнения, таджикские ученые высказывают единое мнение о четырехкомпонентной структуре сравнений, выделяя в них уподобляемое, уподобляющее, основание сравнения и его средство. В качестве средств сравнения могут выступать

следующие единицы: *чун, ҳамчун, мисли, монанди, монанди он ки, чунон ки, гӯё, гӯйё, гӯӣ, пиндорӣ, барин*, глаголы: *мондан, шабоҳат доштан, гуфтӣ, моно* и суффиксы *-осо, -сон, -ваш, -вор, -гун*.

В отечественной науке большое внимание уделяется вопросам типологии сравнения в таджикском языке. Например, Т.Зехни выделяет следующие виды сравнения: *ташбеҳи равшан (явное сравнение), ташбеҳи пӯшида (скрытое сравнение), ташбеҳи таркибӣ (составное сравнение), ташбеҳи мураккаб (сложное сравнение), ташбеҳи баргашта (возвращенное сравнение), ташбеҳи тафзилӣ (предпочтительное сравнение), ташбеҳи шартӣ (условное сравнение), ташбеҳи акс (отраженное сравнение), ташбеҳи баробар, тасвия (равное сравнение)*.

Таким образом, таджикская наука располагает знаниями о сравнении лишь как о литературоведческом понятии, о его видах и его структуре.

В параграфе 2.1.3. Языковая репрезентация предмета и образа сравнительных конструкций в таджикском языке проводится семантический анализ компонентов сравнения.

Основными элементами сравнения, взятыми в данном исследовании за основу, являются предмет, образ и основа сравнения. Под *предметом сравнения* следует понимать предмет, сравниваемый с чем-то другим, это объект действительности, подвергаемый логической операции сравнения. Под *образом сравнения* подразумевается образ, с которым сравнивается предмет. *Основа сравнения* - общий для сравниваемых признаков.

Анализ иллюстративного материала (в объеме 200 контекстов) выявил, что предметом и образом сравнения в творчестве современных таджикских писателей выступают экстралингвистические понятия, представленные в следующих концептуальных сферах: 1) антропологической, 2) натурфактной, 3) артефактной и 4) абстрактной.

Результаты проведенного исследования показали, что предметом сравнения в художественных компаративных конструкциях современной таджикской малой прозы выступает человек. В позиции предмета сравнения единицы, относящиеся к антропологической сфере, значительно преобладают над остальными и являются более востребованными таджикскими писателями: общее число выявленных примеров антропонимов достигает 87 лексем, или 43,5% от общего числа рассмотренных образцов сравнительных конструкций.

Дальнейшая классификация данных единиц позволила выделить в рамках антропологической сферы несколько неравнозначных в количественном плане тематических групп. Так, наиболее крупными из них являются группы «Соматизмы», «Родственные отношения», «Род занятий человека».

В репрезентации предмета сравнения за антропологической сферой с большим отрывом следует сфера естественных объектов: количество составляющих ее единиц достигает 47, или 23,5% от общего числа рассмотренных сравнительных конструкций. Наиболее востребованными в качестве предмета сравнения являются представители животного мира, объекты природного ландшафта и явления природы. Менее всего в

качестве предмета сравнения представлены понятия артефактной и абстрактной концептуальных сфер.

Если функция обозначения предмета сравнения в анализируемом материале ограничивается лишь именами существительными и местоимениями, то обозначение образа сравнения происходит не только за счет имен существительных и местоимений, представляющих разновидность «образ-предмет», но и с помощью имен прилагательных и причастий, составляющих разновидность «образ-признак»; глаголов, служащих основой разновидности «образ-ситуация».

В результате лексико-семантического анализа было выявлено, что в репрезентации образа сравнения ведущее место по количественным параметрам занимает сфера естественных объектов и явлений, представленная 79 единицами, или 40%. Лексемы, репрезентирующие данную сферу, преимущественно использованы в номинации представителей животного и растительного мира.

Вторым по продуктивности является антропологический образ сравнения - 62 примера, или 31% от общего числа рассмотренных сравнительных конструкций. В качестве образа сравнения, выражающего антропонимы, представлены собственные и нарицательные имена существительные, а также образы, инициированные обозначениями, выраженными соматизмами, родственными отношениями и номинациями человека. Артефакты и абстрактные понятия в качестве образов сравнения менее частотны, что свидетельствует об их нерелевантности для художественной картины мира современных таджикских писателей.

Параграф 2.1.4. Типы трансформаций при передаче таджикских сравнительных конструкций на русский язык содержит переводческий анализ контекстов.

При сопоставлении текстов перевода с оригиналом обращает на себя внимание тот факт, что на лексическом уровне автор перевода старается максимально передать средства выразительности оригинала, сумев удачно подобрать лексемы языка-реципиента, в той или иной мере стилистически соответствующие исходному языку. Подтверждением тому может служить пример сохранения эмоционально-экспрессивной ценности сравнительной конструкции, где показателем сравнения выступает средство лексического уровня: *Ваҳ, чи қудрате дорад ин бараҳна, ки дорро ба гул **ташбех** мекунад ва ин қадар бебок менавозаду менавозад [15, с.230].- Ах, какой силой наделен этот голодранец, который **уподобляет** виселицу цветку и так бесстрашно играет и играет [16].*

При передаче сравнительных конструкций, оформленных словообразовательными средствами, также достигается адекватность, несмотря на различия в грамматическом строе таджикского и русского языков. Содержащие сравнительную семантику суффиксы таджикского языка не имеют аналогов в русском языке, единственно правильным способом их передачи является синтаксическая декомпрессия, т.е. расширение структуры слова до уровня словосочетания или предложно-падежного сочетания при

помощи сравнительной конструкции, например, *кӯдаквор* – словно дитя, *морсон* – словно змея, *барқосо* – подобно молнии, *париваши* – подобно перу.

Перевод сравнительных конструкций, построенных на средствах морфологического уровня, то есть посредством формы сравнительной и превосходной степени имен прилагательных и наречий, как правило, не вызывает затруднений: *Ба диданаи меомаданду ангушти ҳайрат мегазиданд ва меғуфтанд, ки соҳиби чунин асп хушбахттарин* одами дунё бояд бошад [19, с.193]. - *Являлись полюбоваться – и надивиться не могли и говорили, что владелец такой лошади, должно быть, счастливейший* человек на свете [20, с.114].

Вполне адекватная передача сравнения таджикского языка как в плане структуры и семантики, так и с точки зрения эстетического воздействия на читателя отмечается и в случае репрезентации показателя сравнения синтаксическими средствами, например: *Сарбаланд меояд Гӯянда, чизе замзама мекунад Кӯҳистонӣ, гӯё ба сӯи дор не, ба сӯи минбар мебурда бошанд* [15, с.226]. - *Высоко держа голову, идет Сказитель, что-то тихо напевает Кухистани, словно не на виселицу ведут их, а к трибуне* [16].

Несмотря на то, что превалирующая часть сравнительных конструкций передается на русский язык достаточно полно и точно, были выявлены случаи применения переводческих трансформаций. Так, в предложении *Касе аниқ намедонист, ки ӯ дар ягон хусус меандешад ё не, мисли гаҳворачунбонак мечунбиду мечунбид* [19, с.116]. - *Никто не знал, думает она о чем-нибудь или нет, только и видели ее в постоянной суеде по дому, в заботах!* [20, с.181] использован прием экспликации, поскольку в качестве коррелята сравнения автора переводчик избрал развернутое описание, в котором характеризует богомола согласно устоявшейся в таджикской языковой картине мира интерпретации его образа как труженика.

Следует отметить, что в некоторых переведенных текстах таджикских авторов оригинальность стиля несколько снизилась, стилистические приемы нейтрализовались, сравнительные конструкции либо потеряли образность, либо остались без внимания: [*Асп*] *гардани баланд ва шабеҳи мармари рангаву хушчилояиро камонсон* *каҷ сохта, ба тарзе ҳамвор, хиромидаву рақсида-рақсида ва хушоҳанг пеш мерафт, ки дар хаёли одамон об дар шиками соҳибаш намечунбид* [19, с.193] (досл. *Изогнув словно лук длинную, подобную цветному, хорошо отполированному мрамору шею, конь шагал так ровно, грациозно и гармонично, пританцовывая, что людям казалось, будто вода в его чреве и не плещется*) - [*Конь*] *склонял чуть набок мощную мраморную шею, гарцевал особой поступью, плавно и мягко неся своего хозяина* [20, с.117].

Второй раздел данной главы «Эпитет», состоящий из четырех параграфов и двух подпараграфов, содержит анализ теоретических предпосылок исследования эпитета в русском и таджикском языках, описание структурных, морфологических и семантических типов эпитетов в таджикском языке, а также переводческий анализ контекстов, содержащих данное средство выразительности.

В параграфе 2.2.1. Понятие и общая характеристика эпитета как средства выразительности лексического уровня обобщаются основные теоретические подходы к определению данного понятия, рассматриваются разработанные в русской лингвистике его классификации.

Научные изыскания относительно роли, значения и места эпитета в ряду стилистических приемов, особенностей его функционирования проводились еще античными мыслителями и философами - Аристотелем, Гермогеном, Квинтилианом и многими другими. Так, например, Аристотель определял эпитет относительно понятия стиля и показывал связь этого художественного средства с другими изобразительно-выразительными средствами поэтического языка [1, с.45].

В русской филологической науке первое упоминание об эпитетах встречается у М.В.Ломоносова в «Кратком руководстве к красноречию» (1748г.), где автор характеризует эпитет как средство стилистического украшения. Эпитет рассматривается ученым в тесной связи с его учением «о трех штилях», где эпитет представлен одной из значимых составляющих «высокого штиля» [5, с.294].

Ф.И.Буслаев дифференцирует понятия «эпитет» и «обыкновенное определение» и обозначает первое как «украшающий эпитет» [3, с.306].

Обобщая все бытующие в современной лингвистике дефиниции, можно определить эпитет как экспрессивно-образное, оценочное определение объекта действительности, функционирующее в рамках художественного дискурса.

Особый интерес ученых на разных этапах развития лингвистики вызывал вопрос о выполняемых эпитетом функциях в художественном тексте. В качестве основных назывались эмоционально-экспрессивная (А.Н.Веселовский) и изобразительная (А.В.Павшук).

Обзор основных существующих в филологической науке таксономий и их дальнейшая систематизация позволили выявить два наиболее распространенных типа эпитетов - постоянный (неизменный, эталонный) и переносный (индивидуально-авторский).

Вопрос о частеречной принадлежности эпитета интересовал многих российских ученых, и на сегодняшний день в науке существует широкое и узкое понимание морфологической его сущности.

Сторонниками широкого понимания эпитета являются А.А.Потебня, Г.Н.Поспелов, Ю.М.Скребнев, которые полагают, что эпитеты могут быть выражены именами прилагательными, причастиями, деепричастиями, наречиями, существительными-приложениями. В соответствии с этим их синтаксическая роль не ограничивается только определением: они могут выступать в роли обстоятельства, дополнения, сказуемого и подлежащего.

Узкого понимания грамматической природы эпитета, а именно представления эпитета как прилагательного в синтаксической роли определения, придерживаются Б.В.Томашевский, Д.Н.Ушаков О.С.Ахманова.

В структурном плане и с учетом количественных показателей выделяются одиночные, двойные (или вилки) и тройные эпитеты.

Параграф 2.2.2. Освещение теории эпитета в таджикской филологии посвящен систематизации и обобщению существующих на сегодняшний день в таджикской науке знаний относительно теории эпитета.

Эпитет, будучи художественным определением при слове, образно и эмоционально характеризующим описываемое явление, человека, предмет, событие, является востребованным стилистическим приемом в современной таджикской малой прозе. Однако интерес таджикских ученых-филологов к данному феномену намного уступает популярности и распространенности эпитета среди мастеров слова.

Немногочисленные исследования, в той или иной мере посвященные эпитету, выполнены преимущественно в литературоведческом направлении и рассматривают эпитет как художественное понятие, как троп, фигуру речи.

РТС в качестве эквивалента данного термина приводит следующее: «*Лит.* тавсиф, ташбех» [12, с.345]. Напомним, что термин «ташбех» является таджикским коррелятом термина «сравнение». Отсутствие ясности отмечается и в приведенных ФТР эквивалентах термина «тавсиф»: «1. Описание, характеристика; 2. Похвала, хвала» [13, с.435]. Как общеупотребительную лексическую единицу слово «тавсиф» рассматривает и ФТЗТ, где оно интерпретируется следующим образом: «1. Восхвалять, описывать; восхваление, характеристика; 2. Изложение, объяснение» [11, с.576].

Обзор отраслевых лексикографических источников позволил выявить, что в таджикском языке данное средство выразительности называется словом арабского происхождения «тавсиф», которое в переводе означает «описание, перечисление признаков чего-л.».

Обобщением высказываний таджикских литературоведов относительно природы эпитета можно считать определение Т.Зехни: «Для изображения какого-либо явления, лица или предмета писатель приводит такое прилагательное (сифат), которое показывает одну из наиболее важных его особенностей. Такое художественное определение, подчеркивающее существенный признак определяемого слова, называется эпитетом» [4, с.68].

Как и российские ученые, таджикские литературоведы в качестве основного вида выделяют постоянные эпитеты. Большой интерес ученых вызывают так называемые двойные и тройные эпитеты. Именно многокомпонентные конструкции эпитетов, по мнению Х.Шарифова, представляют художественную ценность. Особое внимание многокомпонентным конструкциям эпитетов уделяет Т.Зехни, обозначая это понятие термином «сифатчинӣ». Поддерживая взгляды исследователей персидско-таджикской классической литературы, не признававших одиночные эпитеты средствами художественной выразительности, Ю.И.Бобоев называет такие эпитеты неполными.

Относительно частеречной принадлежности эпитета Т.Зехни отмечает, что эпитет может быть выражен той частью речи, которая выполняла бы в предложении синтаксическую роль определения; в первую очередь, это

имена прилагательные, причастия и существительные с определительным значением.

Параграф 2.2.3. Лингвистический анализ эпитетов таджикского языка состоит из двух подпараграфов.

В подпараграфе 2.2.3.1. Морфологические и структурные типы эпитетов определяется частеречная характеристика эпитетов. Морфологический анализ показал, что основной корпус эпитетов (в объеме 300 единиц), почерпнутых из текстов рассказов современных таджикских писателей, репрезентирован именами прилагательными вследствие признаковой семантики этой части речи.

Превалирующая часть эпитетов (198 единиц, или 66%) выражена качественными прилагательными в силу того, что они несут в себе информацию о чувственно воспринимаемом признаке. Причем преобладают, главным образом, качественные прилагательные в положительной степени: *Валекин ҳоло пеши назараи дашти сабз, гулҳои ҳарранг. Аспони маст, курраҳои шӯхро медид...* [15, с.229]. - *Однако сейчас он видел раскинувшуюся перед его взором лазоревую степь, радужные цветы, резвых скакунов, озорных жеребят...* [16].

Формы сравнительной и превосходной степени в качестве эпитета менее востребованы в художественных текстах: *Шамшер чигилтарин чигилҳоро мекушояд, шамшер оқилтарин сарҳоро ба як зарба аз тан ҷудо мекунад, шамшер ҳама саволҳоро ҷавоб аст* [15, с.224]. - *Меч развязывал запутаннейшие узлы, меч одним ударом отделял от тела мудрейшие головы, меч был ответом на все вопросы* [16].

Особой образностью и экспрессией наполнены эпитеты, выраженные причастиями. Однако, как показала инвентаризация всех участвующих в исследовании эпитетов, причастия, выполняющие функцию эпитета, менее продуктивны в рассказах современных таджикских писателей: было выявлено около 90 единиц, или 30%.

Чеҳраи коҳида ва хушкидаву қаҳраборанги пирамард низ барги зебои хазонро ёд меовард... [19, с.105]. - *Истощенное, высохшее, янтарное лицо старика теперь напоминало дивный опавший осенний лист...* [20, с.164].

Структурная типология эпитетов подразумевает дифференциацию эпитетов на простые, сложные и составные.

Простые в структурном плане эпитеты составляют превалирующую часть всех образных определений - 195 единиц, то есть 65% от общего числа всех эпитетов. Сложные слова-эпитеты, несмотря на то, что воспроизводят единое понятие, образованы сложением двух основ и имеют слитное написание. Сложные адъективы составляют почти треть – 110 случаев употребления - от общего числа эпитетов.

Составные эпитеты могут включать в себя два (двойной эпитет) или три и более компонента (цепочечный эпитет) и характеризовать субстантив в двух и более аспектах. Двойные эпитеты, именуемые также вилкой, имеют широкое распространение в современной таджикской прозе, их было выявлено 82 единицы, что составляет 27% от общего числа эпитетов. Например: *Чоку намедонист, танҳо ҳис мекард, ки кадом як қувваи*

дастнорас ва номавхуме дар ниҳоди ин мардум паноҳ аст [15, с.223]. - Чоку не знал, что именно, только чувствовал, что в природе этих людей скрыта какая-то неуловимая и непонятная сила [16].

Не менее востребованы и эпитетные конструкции, состоящие из трех адъективов, они представлены 37 единицами, что составляет 12% от общего числа рассматриваемых эпитетов.

«Хурӯсаи монанди худаи пакару гарангу чулхундӣ-е!» [15, с.243]. - «Надо же, у него и петух, как он сам, – такой же жалкий, пришибленный лохмотник!» [16].

В подпараграфе 2.2.3.2. Семантическая типология единиц, выступающих в роли компонентов эпифразы, выявляются и дифференцируются основные типы эпитетов, определяется их лексическое значение, описываются субстантивы.

В ходе лексико-семантического анализа зафиксированные в текстах современных таджикских писателей эпитеты, выраженные прилагательными и причастиями, были объединены в три семантические группы: 1) лексические единицы, характеризующие лицо; 2) лексемы-обозначения физических свойств; 3) лексемы, выражающие оценку субстантива. Внутри каждой семантической группы был выделен еще ряд семантических подгрупп.

Состав субстантивов анализируемых эпифраз таджикского языка весьма разнообразен, что предполагает его распределение по 4 денотативным сферам: 1) антропологическая сфера; 2) сфера артефактов; 3) сфера натурфактов; 4) абстрактная сфера. Наиболее обширными группами субстантивов оказались сферы натурфактов и абстрактных понятий.

Параграф 2.2.4. Способы передачи таджикских эпифраз на русский язык посвящен вопросам переводимости/непереводимости эпитета, особенностям передачи таджикских эпитетных конструкций на русский язык, выявлению способов их адекватной передачи.

Сопоставительный анализ оригинальных текстов и текстов перевода свидетельствует о том, что в большинстве случаев передача простых эпитетов не вызывает трудностей. Так, словосочетания *тани фартут, овози наҳиф, хандаи бегаиш, нигоҳи гарм, олами фиребой, чинси латиф* переданы на русский язык как *одряхлевшее тело, слабый голос, искренний смех, теплый взгляд, обманчивый мир, нежный пол.*

Несмотря на то, что в таджикском языке эпитет находится в постпозиции к определяемому слову, отношения внутри словосочетания построены на изафетном типе подчинительной связи.

В ходе сопоставительного анализа оригинальных и переводных текстов были выявлены случаи применения различного рода переводческих трансформаций, которые так или иначе влияют на степень адекватности перевода. Так, использование приема лексического опущения, значительно искажающего замысел автора, можно наблюдать в следующем контексте: <...> *ҳиси кинаву қудурат дар қалби сиехи бадхоҳони аспу ҷавонмард мечӯшид [19, с.193]. - <...> зажига в сердцах злопыхателей и недругов*

ненависть, зависть и желание выместить на скакуне и его хозяине всю свою злобу [20, с.112].

Если передача простых эпитетов вызывает незначительные трудности, то перевод сложных эпитетов довольно проблематичен в силу более низкого уровня эквивалентности. Неравнозначной замене подвергается сложный эпитет в следующем примере: *Ҷонвар саргарми ҷастухези девонавор, галогулаи шабеҳи шиҳа, балки наъраи осмонкаф кашид* [19, с.191]. - Скакун в порыве неистовства захрапел, взвился на дыбы и с **грозым ржанием** повернул голову [20, с.118]. - *Наъраи осмонкаф* (досл.разрывающее небо рычание) → **грозное ржание**.

Встречаются случаи передачи сложных эпитетов на русский язык словосочетаниями, при этом сохраняется компонентный состав и образность: *бо чашмони хунгирифта – наполненными кровью глазами, ниҳоди пурасрори ӯ – полная тайн его природа, чашими пурҳасрат – полный печали взор, марқаде ҳузнангез – наводящая грусть ограда.*

Относительно передачи составных эпитетов с одного языка на другой не выработано единой парадигмы действий, единого комплекса требований и условий. Вследствие этого рассмотренные в ходе исследования составные эпитеты показали разную степень эквивалентности. Так, были выявлены случаи перевода, максимально близкого по содержанию и образности к оригиналу: *ҳайвони фалакиву самакиву галатӣ – небесное, да сказочное, да удивительное создание.* Сохранение экспрессивности данного эпизода стало возможным за счет замены звуковой эпифоры оригинала на полисиндетон в переводном тексте.

В третьей главе «Языковая природа стилистических приемов антитезы, гиперболы и иронии», состоящей из трех разделов и двенадцати параграфов, рассматриваются аспекты изучения данных средств выразительности в русском и таджикском языках, описываются особенности их структуры и семантики в таджикском языке, выявляются способы их передачи с одного языка на другой.

В первом разделе «Антитеза», состоящем из четырех параграфов, излагаются теоретические предпосылки исследования антитезы в русской и отечественной лингвистике, проводится структурно-семантическая классификация антитезных конструкций, функционирующих в таджикских художественных текстах, и выявляются способы их передачи на русский язык.

В параграфе 3.1.1. Антитеза: аспекты исследования определяется лингвистическая природа данного средства выразительности, предлагаются разработанные в лингвистике способы ее классификации.

Будучи средством выразительности, антитеза возникла еще в глубокой древности и пользовалась большой популярностью среди древних риториков, поскольку рассматривалась как важный и продуктивный прием воздействия на слушателя.

В современных лексикографических источниках антитеза характеризуется как «стилистическая фигура контраста», «фигура речи», «стилистический прием».

Основным критерием, в чем проявляется общность выдвигаемых российскими учеными определений, является противопоставленность обозначений одного и того же явления, свойства, состояния, процесса и конкретизация их различия, которое выступает семантическим центром антитезной конструкции.

Исследователи высказывают единую точку зрения относительно основных функций, выполняемых антитезой, среди которых особо выделяют эмоциональную и оценочную.

Учение об антитезе как о средстве выразительности, построенное на исследовании ее лексических компонентов и грамматической структуры, обусловило создание ряда классификаций, среди которых можно перечислить следующие: 1) по специфике функционирования антитезы; 2) по узуальности / окказиональности объектов; 3) по степени устойчивости компонентов; 4) по количеству сопоставляемых объектов; 5) по лексическому / синтаксическому критерию; 6) на основании грамматического / неграмматического противопоставления компонентов.

В параграфе **3.1.2. Теоретические основы описания антитезы в таджикском языке** предпринята попытка провести обзор теоретической литературы на таджикском языке и обобщить существующий в таджикской филологии объем информации по вопросам о понятии и сущности антитезы и множестве других проблем, связанных с типологией, структурой и семантикой данного языкового явления.

Согласно данным РТС, таджикским эквивалентом термина «антитеза» выступает термин «санъати тазод» [12, с.35] (досл. искусство противопоставления), который, в свою очередь, передается на русский как «Лит. антитеза, противопоставление» [13, с.543]. В ФЗТЗ приводится следующее толкование рассматриваемого термина: «2. Лит. противопоставление двух явлений в художественном произведении» [11, с.294].

В словарях литературоведческих терминов относительно данного понятия приводится разноречивая информация, поскольку в качестве обозначений фигур контраста рассматриваются параллельно три термина «тазод», «мутобиқа» и «муқобала». Так, Х.Мирзозода, определяя *тазод* как «одну из фигур речи, в которой для более яркого обозначения предмета противопоставляются его признаки и свойства»; в продолжении отмечает «*Тазод* отличается от *муқобалы*, которая преимущественно показывает состояние предмета» [10, с.135]. Х.Шарифов утверждает, что *тазод* предполагает противопоставление слов с противоположной семантикой, в то время как *мутобиқа* - их соответствие: «*Тазод* по семантике слова есть нечто противоположное, термином «мутобиқа» обозначают соотношение противоположных явлений. Поэтому, когда речь идет о *тазоде*, объект рассматривается с одной позиции, а в случае с *мутобиқой* – с другой» [9,

с.114-115]. На тождественность терминов «тазод» и «муқобала» / «мутобиқа» указывают Р.Ходизода, Т.Зехни, Т.Атаханов.

Особую позицию в вопросе определения природы *тазода* занимает Ю.И.Бобоев. Ученый характеризует данное понятие в качестве таджикского эквивалента термина «антоним» и рассматривает его наряду с синонимами и омонимами как «средство выражения».

Отечественные исследователи придерживаются одной классификации, основанной на семантических особенностях противопоставляемых слов, и выделяют контекстуальную, языковую и тематическую антитезу.

В параграфе 3.1.3. Структурно-семантическая классификация антитезных выражений в таджикском языке представлена типология антитезных конструкций, функционирующих в рамках художественного дискурса.

В ходе анализа языкового материала было установлено, что в таджикской прозе используется преимущественно простая антитеза, которая репрезентирована конструкциями, созданными языковыми и речевыми антонимами. Случаи использования осложненного вида, заключающегося в сочетании антитезы с другими стилистическими приемами, единичны.

Антитезный план большей части рассмотренных образцов построен на узуальных (языковых) антонимах, выраженных: существительными *шоҳу гадо* (*царь и нищий*), *хоҷаву гулом* (*господин и слуга*), *сабзишу завол* (*цветение и увядание*); прилагательными – *неку бад* (*хороший и плохой*), *хурду бузург* (*маленький и большой*), *ободу вайрон* (*благоустроенный и разрушенный*); глаголами – *рафтан-омадан* (*уходит-приходит*), *овардан-бурдан* (*приносить-уносить*); наречиями – *имрӯзу фардо* (*сегодня и завтра*), *саҳару бегоҳ* (*утром и вечером*).

Широкое применение в художественной литературе получили и контекстуальные антонимы, обеспечивающие противопоставление семантически не противоположных единиц. Так, Бахманёр создает антитезный план на понятиях, не сопоставимых в языковой картине мира: камни ↔ человеческие тела:

Танҳо фарқ дар он буд, ки фиръавнҳои Миср аз сангу ин амир аз тани одамон аҳром месохт [15, с.228]. - Разница была лишь в том, что египетские фараоны сооружали пирамиды из камня, а этот эмир возводил их из человеческих тел [16].

В современной таджикской прозе широкий спектр распространения получили свободные антитезные конструкции. Устойчивые (фразеологические) антитезы также востребованы таджикскими писателями, хотя и уступают им по частотности употребления, например: *хок гиред, зар шавад* (*пусть земля в ваших руках станет золотом*); *дунё ба умед, шайтон ноумед* (*мир полон надежд, черт пусть не надеется*).

Другим критерием классификации антитез является их дифференциация по количеству сопоставляемых объектов, согласно которой различают простую, двойную, сложную и многочленную антитезу. Большая часть рассматриваемых образцов относится к простому типу

антитезы, которая предполагает участие двух объектов сопоставления по схеме $n - n$.

В отношении лексического и синтаксического критерия таксономии антитез, который основан на противопоставлении слов и словосочетаний или простых предложений, следует отметить, что преобладающая часть антитезных конструкций, подвергшихся структурно-семантическому анализу, представлена однословными компонентами.

Параграф 3.1.4. Специфика перевода таджикских антитез на русский язык посвящен выявлению особенностей адекватной передачи экспрессивной информации, содержащейся в антитезных конструкциях.

Случаи удачного подбора лексем переводящего языка, в той или иной мере стилистически соответствующих исходному языку, то есть факты адекватного перевода антитезных конструкций, довольно многочисленны и составляют большую часть анализируемого материала. Как правило, противопоставление в них создается за счет антонимичных узуальных коррелятов. Например: <...>, *лекин тарсаишнро зоҳир намекунанд, баръакс рафторе доранд, ки гӯё дар ҳақиқат хоҷа бошанд, на гулом* [17, с.142]. - <...>, *но умело скрывают свой страх и ведут себя так, словно они не рабы, а хозяева* [18, с.322].

В следующем контексте достижение контрастности и передача содержания антитезы стали возможными при замене компонентного состава и выраженных в них образов: *бузургу кӯчак (большой и маленький) → сильный и слабый*:

Зиндагӣ аз бунёд ҳамин тавр буд. Бузург кӯчакро меҳӯрд [15, с.229]. - *На земле от века было так. Сильный поедал слабого* [16].

В ходе анализа были выявлены случаи передачи лишь одного из компонентов антитезной конструкции, что, безусловно, значительно снизило экспрессивность оригинала и не сохранило его смысловое содержание:

На бадаширо зикр мекарду на некаширо; гӯё ҳарду зери як кулба бо сари худ бегонавор мезистанд [19, с.117]. - *Хотя никто и вспомнить не мог, когда его жена была еще жива, чтобы он хоть раз что-то доброе сказал про нее* [20, с.178]. (Ср. *не отмечал ни положительных, ни отрицательных ее качеств*).

Второй раздел «Гипербола» состоит из четырех параграфов и содержит анализ научной литературы, посвященной проблемам изучения данного средства выразительности, лингвистический и сопоставительный анализ гиперболических высказываний.

В параграфе 3.2.1. Гипербола и аспекты ее изучения в русской лингвистике рассматриваются следующие вопросы: «лингвистический портрет» гиперболы, специфика приема гиперболизации, языковые средства выражения гиперболы, а также ее функционирование в рамках текста.

Ученые рассматривают гиперболу с разных точек зрения: как троп, фигуру речи, как средство выразительности и как художественный прием. Суть излагаемых в современной лингвистике дефиниций гиперболы

заключается в чрезмерном, нарочитом преувеличении или преуменьшении реальных объектов или явлений. В большинстве научных работ по исследуемому вопросу литота рассматривается в качестве разновидности гипербола, или как гипербола «наоборот».

Обобщив немногочисленные высказывания ученых относительно вопроса о выполняемых гиперболой функциях, можно сделать вывод, что наиболее важными из них являются интенсификация выразительности, эмоциональная и эстетическая функции.

Следует отметить, что в русской лингвистике не сложилось единого мнения и по вопросу таксономии гипербол. Ученые едины во мнении, что основным критерием дифференциации гипербол является их отнесенность к речевым или языковым единицам. Выдвигаются классификации и на основе других критериев: по морфологическому, семантическому, структурному, уровневому и по степени освоенности.

В параграфе 3.2.2. **Теоретические предпосылки изучения гипербола в таджикском языке** предпринята попытка пролить свет на языковую природу гипербола и разграничение литературоведческого и лингвистического понимания термина «гипербола» в таджикском языке.

РТС рассматривает данное понятие как литературоведческую и математическую единицу: «1. *Лит.* муболиға, иғроқ; 2. *Мат.* гипербола» [12, с.172]. В ФТР понятие «муболиға» трактуется как «1. Преувеличение; 2. *Лит.* гипербола» [12, с.358]. Понятие «иғроқ» так же оказалось полисемичным: «1. *Кн.* потопление, затопление, утопление; 2. *Лит.* гипербола» [12, с.240]. ФТЗТ трактует эквиваленты термина «гипербола» следующим образом: «Муболиға – 1. Чрезмерное восхваление чего-либо, чрезмерность в изображении; 2. *Лит.* одно из средств художественного изображения, основу которого составляет сверхъестественное восхваление или порицание» [11, с.823]; «Иғроқ – чрезмерное преувеличение, чрезмерное восхваление или уничижение кого-л.» [11, с.535]. Следовательно, как и ее русский коррелят, *муболиға* рассматривается в таджикском языке в качестве нейтрального слова и как литературоведческий и математический термин.

Выдвигаемые отечественными учеными дефиниции гипербола можно обобщить определением Т.Зехни: «В целях описания или восхваления чего-либо писатель иногда переходит грани реальности и показывает его с большей или меньшей интенсивностью, превозносит до самой высшей точки или опускает до нижайшего уровня. Такое изображение называется муболиғой» [4, с.65]. Единое мнение сложилось у исследователей и относительно разновидностей гипербола: выделяют такие ее разновидности, как *игроқ* и *гуллув*, которые отличаются друг от друга большей или меньшей степенью интенсивности гиперболизируемого признака.

В параграфе 3.2.3. **Лингвистический анализ гиперболических высказываний таджикского языка** выявляются лингвистические особенности гипербола.

Исследование гиперболизированных единиц в объеме более 300 единиц показало, что индивидуально-авторские гиперболы пользуются большей популярностью среди таджикских писателей: *Чунон мечарид, ки сабзае зери сумаиш хам намехурд, нақше пас аз ӯ дар соҳил намемонд* [15, с.94]. - *И ни травинка не приминалась под его копытами, ни следа не оставалось после него на берегу* [16].

Дифференциация по степени устойчивости/неустойчивости единиц показала, что большая интенсивность и экспрессивность гиперболизированных единиц достигается свободными единицами, которые составили превалирующую часть исследуемых образцов.

Классификация по признаку взаимодействия стилистических средств показала, что наиболее продуктивным является взаимодействие гиперболы с такими стилистическими приемами, как метафора, ирония, сравнение, эпитет, антитеза и др. Значительная часть исследуемых образцов – около 180 единиц (или 60%) - представляют собой осложненные гиперболы.

Другим признаком таксономии гипербол является семантический признак: преувеличение большого, преувеличение малого. В данном случае речь идет о собственно гиперболе и литоте. Превалирующая часть участвующих в исследовании образцов несет в себе семантику преувеличения большого, то есть представлена собственно гиперболами. Гиперболизированные единицы со значением преувеличения малого крайне малочисленны, в процентном соотношении составляют лишь 15% от общего числа гипербол.

Разграничение гипербол по уровневой репрезентации показало, что большей интенсивностью и эмоциональностью отличаются гиперболы, раскрывающие свой смысл на уровнях выражения и предложения.

В параграфе 3.2.4. Проблема передачи таджикских гиперболизированных единиц на русский язык проводится исследование степени адекватности перевода гипербол.

Сопоставительный анализ текстов исходного и переводящего языков свидетельствует о том, что передача большей части свободных гипербол вызывает трудности у переводчиков. Возможно, это объясняется тем, что гиперболы в своем большинстве являются многокомпонентными конструкциями, что, безусловно, осложняет процесс перевода. Из большого числа исследуемых образцов были выявлены единичные примеры адекватного перевода гиперболических выражений:

Чунон духтаре, ки дар ҳаққаш мегӯянд: агар об хӯрад, аз гулӯяш метобад [15, с.92]. – *Да, такая девушка, о которой говорят: когда пьет, вода сквозь горло просвечивает* [16].

Зачастую при передаче свободных гипербол допускаются переводческие трансформации, при которых не исключена потеря различного рода информации. Допущение большого количества переводческих преобразований значительно искажает смысл, снижает степень интенсивности и экспрессивности оригинала:

Ва ӯ ба ҳасрат оҳи бадарде кашид, оҳи сарди пурдарди пуралам [17, с.234] (досл. *И она с сожалением испустила болезненный вздох, вздох был*

холодным, горестным, полным страдания). - «Я не могу встать, значит, я умерла?..»—подумала Омайра и горестно вздохнула [18, с.333].

Третий раздел «Ирония» состоит из четырех параграфов и содержит обзор теоретических исследований иронии, изучение особенностей ее вербальной репрезентации, а также лингвистический и переводческий анализ текстов иронического содержания.

Параграф 3.3.1. Теория иронии в русской лингвистике носит обзорно-аналитический характер. В нем изложены теоретические предпосылки исследования иронии.

Как и рассмотренные ранее средства выразительности, ирония привлекала внимание в качестве тропа и стилистического приема еще в античные времена. В русской лингвистике ее изучение связано с именами М.В.Ломоносова, А.А.Потебни, И.В.Арнольд и др. Природа иронии, по мнению современных ученых, заключается в употреблении слов в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки.

Многие вопросы не только относительно лингвистического статуса иронии, но и ее функционального потенциала, типологии, способов ее репрезентации остаются неразрешенными в силу их разноречивости. Так, рассматривая вопрос о функциональной нагрузке иронии, ряд исследователей (О.С.Ахманова, Ю.Н.Мухина, Н.Д.Арутюнова, А.В.Розсоха, М.А.Слепцова и др.) в качестве основной называют субъективно-оценочную функцию.

Не сложилось общего мнения относительно вопроса определения единицы иронии. Выделяют два типа иронии: ситуативный, актуализирующийся лексически, и ассоциативный, реализующийся постепенно в рамках сверхфразового единства, целого произведения.

Вербально выраженными репрезентантами иронии являются лингвистические средства. Однако в теории иронии на сегодняшний день не существует общего мнения относительно количественного и качественного состава этих средств.

В параграфе 3.3.2. Основы теоретических исследований иронии в таджикской филологии проводится обзор лексикографических и теоретических источников по исследуемому вопросу.

Важным представляется определение природы иронии в лексикографических источниках. В РТС данное понятие рассматривается как «1. Истехзо, тамасхур, ҳазл, ришханд; 2. Рамз, киноя» [12, с.358]. Из перечисленных понятий в отраслевых словарях по литературе в качестве искомого термина упоминается слово «киноя», которое интерпретируется как средство, при котором говорящий передает одно значение посредством другого, логически и сравнительно близкого. Более полное определение данного понятия находим у Т.Зехни: «Киноя – умышленное использование противоположного значения слова. Например, обсуждая доброе, обозначать его скверным, имея в виду плохое, говорить о нем положительно» [4, с.90].

Вместе с тем многие вопросы, касающиеся особенностей функционирования иронии в таджикской художественной литературе, ее

типологии, структуры, средств ее реализации в тексте ранее не были объектом исследований и потому сохраняют свою актуальность.

В параграфе 3.3.3. Вербальная репрезентация иронии в таджикской художественной литературе определяются наиболее распространенные способы реализации иронии.

Анализ иллюстративного материала показал, что наиболее продуктивным репрезентантом иронии являются такие эмоционально-образные ресурсы языка, как поговорки и идиомы, которые отличаются особенностью создавать образы, выполняя при этом номинативную и характерологическую функцию. Вместе с тем довольно часто они уже имеют в своей семантике иронический смысл, и их употребление придает интенсивность иронической оценке. Например:

Аз зиёдии чинси латиф фукашон чихт буду думашон сих ва дигар ба ранг задани мӯкии сурхашон, лифмол кардани шиму пиджакашон аҳамият намедоданд [15, с.240]. - Вокруг господина Голенастого постоянно теснились дамы, и от переполнявшей его гордости он стал задирать нос, держал хвост торчком и больше не следил за состоянием своих красных сапожек и за опрятностью своего одеяния [16].

Активными репрезентантами иронии в таджикском языке выступают такие стилистические средства, как гипербола и сравнение.

В параграфе 3.3.4. Отображение таджикских иронических выражений в русском языке проводится сопоставительный анализ содержащих иронию текстов исходного и переводящего языков, который позволил выявить то обстоятельство, что значительная их часть сохраняет относительное равенство содержательной, смысловой, семантической и стилистической информации.

В качестве примера адекватной передачи эстетической ценности и художественного своеобразия подлинника можно привести следующий фрагмент текста: *Чаббору таррору калабури ҳақиқӣ буданд ҳазрат! [15, с.237]. - Настоящим деспотом, мошенником да головорезом был светлейший! [16],* где речь идет о «грозе курятника» - петухе.

Незначительные лексические трансформации, допущенные при передаче текстов иронического содержания, ни в коей мере не снижают их эмоционально-оценочную нагрузку и не влияют на сохранение содержательной, семантической и стилистической информации.

Однако следует отметить, что в ходе исследования было выявлено немалое количество примеров неадекватной передачи содержания исходного текста. Данное обстоятельство было обусловлено, на наш взгляд, избранной переводчиком тактикой вольного или творческого перевода.

В Заключении диссертации подводятся итоги исследования.

Диссертационное исследование посвящено проблеме изучения выразительных средств лексического и лексико-синтаксического уровня таджикского и русского языков и проведено в рамках сопоставительного лингвостилистического и структурно-семантического аспектов с

использованием лингвистических свойств образных средств в художественном тексте.

I. Реализация образных средств в русском и таджикском языках осуществляется посредством единиц различных уровней языка. Данное обстоятельство определяет лингвистический статус средств выразительности любого уровня и задает диапазоны их изучения: начиная от определения устойчивости их компонентов и уровневой принадлежности и заканчивая их частеречными и структурными характеристиками.

В рамках исследования данной проблемы приемлемо равнозначное оперирование терминами «стилистические средства», «стилистические приемы», «экспрессивные средства языка», «выразительные средства языка», «образные средства языка», «изобразительные средства языка» в качестве тождественных понятий.

II. Мнения таджикских ученых относительно природы метафоры полностью совпадают со сложившимся ее определением в русской лингвистике, которое можно выразить посредством следующей дефиниции этого термина: Метафора – это средство выразительности лексического уровня, которое заключается в наделении слова переносным значением на основе его сходства. Вместе с тем среди таджикских ученых наблюдается некоторое противоречие в отношении номинации термина, а именно: некоторые исследователи определяют метафору как «маджоз», другие рассматривают «маджоз» как «переносный» (маъной маъҷозӣ – переносное значение) и обозначают метафору термином «истиора».

В зарубежной лингвистике существует огромное количество всевозможных типологий метафоры, однако главной ее дифференциацией является выделение языковой и речевой метафоры. В таджикском языке на основе единственной классификации различают две разновидности метафоры – явную и скрытую. Суть явной метафоры заключается лишь в указании на образ или понятие, которое при сравнении с исходным понятием наделяется новым для слова переносным значением. Скрытая метафора подразумевает указание какого-либо признака или приметы определяемого понятия в дополнение к самому определяемому слову. При этом отличительной чертой скрытой метафоры является то, что в процессе метафоризации называется определяемое слово, а не определение, как в явной метафоре.

Вопрос о функциональном потенциале метафоры, вызвавший бурную полемику русских лингвистов, остался вне поля зрения таджикских ученых. Между тем выдвинутые в качестве наиболее упоминаемых функций русской метафоры – номинативная, информативная, эстетическая и оценочная - вполне приемлемы для таджикской метафоры.

Семантический анализ метафоризированных единиц, извлеченных из лексикографических источников, позволил сделать вывод, что общими для сопоставляемых языков являются выявленные в типологии метафорических переносов модели «Предмет → Предмет», «Предмет →

«Физический мир», «Предмет → Психический мир», «Человек → Человек», «Предмет → Человек», «Физический мир → Психический мир».

Специфической особенностью русской метафорической картины мира является наличие в ней таких регулярных метафорических переносов, как «Предмет → Абстракция» и «Животное → Человек», тогда как в таджикском языке особенность заключается в следующих типах процесса метафоризации: «Физический мир → Физический мир», «Психический мир → Психический мир», «Человек $\rightleftharpoons$ Физический мир», «Человек → Психический мир».

Расхождения в метафорической системе сопоставляемых языков проявляются и в количественном распределении наиболее продуктивных типов метафорического переноса. Так, самым распространенным типом в русском языке является метафоризация от семантической сферы «Предмет» к сфере «Психический мир», а в таджикском – модель «Физический мир $\rightleftharpoons$ Психический мир». Более того, векторность переноса значения в русском языке строго упорядочена и имеет одну направленность, а в таджикском – несистематична и разнонаправлена.

III. Ввиду малочисленности исследований по теории метонимии в таджикской филологии, для более полной ее характеристики была предпринята попытка почерпнуть необходимую информацию из персоязычных источников. Проведенное исследование показало, что таджикские и иранские ученые имеют сходную точку зрения относительно природы метонимии, которая сводится к следующей дефиниции этого термина: метонимия (мацози мурсал) – это средство выразительности лексического уровня, при котором слово используется не в своем основном значении, а в значении, основанном на одном каком-либо типе отношений, кроме отношения сходства. Если русская метонимия – это перенос номинации, основанный только на смежности значений, то в таджикском языке метонимизация может развиваться на основе любого признака предмета, кроме признака сходства.

Несмотря на разницу в классификациях, проведенных в сопоставляемых языках, типы метонимических переносов в таджикском языке вполне можно рассматривать в аспекте распространенной в русской лингвистике типологии метонимических переносов, включающей в себя 5 основных типов связи смежных денотатов: каузативный; темпоральный; пространственный; атрибутивный; партитивный. Из пяти названных типов связи смежных денотатов метонимический перенос в таджикском языке осуществляется преимущественно по каузативному (54%) и партитивному (20%) типам. Участвующие в процессе метонимизации единицы в своем большинстве относятся к именам существительным, которые составляют две трети, или 66%.

Анализ выделенных в процессе исследования типов метонимического переноса, регулярно используемых в таджикском языке, и их сопоставление с функционирующими в русском языке типами позволили обнаружить наряду с 5 типами связи смежных денотатов, выступающих в качестве интегрирующих особенностей, также дифференциальные признаки,

поскольку культурные и языковые традиции разных языков создают в лексических системах языка свой свод правил и норм и формируют свойственные только им особенности.

IV. Сравнение (ташбех) представляет собой сопоставление двух предметов, предполагающих наличие общего признака, с целью выяснения их сходства или различия.

В русском языкознании уделяется большое внимание функциям, выполняемым сравнением, тогда как таджикские исследователи при изучении данного средства проявляют интерес к его типологии, в частности к семантической классификации, выделяя такие его виды, как явное, условное, предпочтительное, составное, сложное, равное, отраженное, скрытое и возвращенное. Тем не менее можно утверждать, что выдвигаемые в русской лингвистике гипотезы относительно функций сравнения - субъектно-познавательной, оценочной, описательно-изобразительной - в полной мере имеют отношение к таджикскому сравнению.

В отличие от других вербальных средств образности сравнение представлено компаративной конструкцией с трехкомпонентной структурой. Относительно вопроса структурной оформленности, несмотря на тождественный в обоих языках состав компаративных конструкций, отмечаются различные точки зрения. Различие мнений заключается в том, что российские ученые выделяют в структуре сравнений три компонента – *предмет, образ, основание*, а таджикские – четыре, обозначая предложенные выше элементы как *уподобляемое, уподобляющее, основание сравнения* и добавляя при этом четвертый элемент - *средство сравнения*.

Предмет и образ сравнения таджикского языка представлены экстралингвистическими понятиями следующих концептуальных сфер: антропологической, натурфактной, артефактной и абстрактной. Как показали результаты лексико-семантического анализа, в позиции предмета сравнения наиболее продуктивными были единицы антропологической сферы (более 44%) и натурфактной (23%).

В позиции образа сравнения наиболее продуктивными оказались наименования натурфактов (около 40%) и антропонимы (30%).

Систематизировав высказывания таджикских ученых относительно показателей сравнительных конструкций, можно констатировать, что они представлены: а) на лексическом уровне - единицами, имеющими сравнительную семантику: *монанд (кардан), ба монанди, ба сони, шабех, ташбех, мушобех, ранг, мисл, ба ёд овардан, муқоиса кардан, пиндорӣ*; б) на словообразовательном уровне - суффиксами: *-осо, -сон, -ваш, -вор, -гун*; в) на морфологическом уровне – сравнительной и превосходной степенями прилагательных и наречий, образуемых при помощи суффиксов *-тар* и *-тарин*; г) на синтаксическом уровне - союзами и предлогами: *чун, ҳамчун, барин, чунонки, моно ки, гӯйё, гӯйё ки* и др.

Показатели сравнения русских компаративных конструкций также представлены на четырех языковых уровнях.

V. Анализ научной литературы позволил выявить, что множество предложенных российскими учеными определений сводятся к следующей дефиниции этого термина: эпитет – это экспрессивно-образное, оценочное определение объекта действительности, функционирующее в рамках художественного дискурса.

Подобную точку зрения на природу эпитета высказывают и таджикские ученые, характеризуя его как «художественное определение, подчеркивающее существенный признак определяемого слова». В таджикском языке эпитет имеет обозначение «тавсиф».

Особый интерес российских ученых привлекают вопросы функционального назначения эпитета и его семантической таксономии. Так, среди основных функций эпитетов выделяют эмоционально-экспрессивную, изобразительную и познавательную.

Что касается частеречной принадлежности эпитетов, то в отношении этого вопроса существует несколько гипотез, одна из которых состоит в том, что выразителями эпитета могут быть как прилагательные и наречия, составляющие «ближнюю периферийную» группу, так и существительные, причастия, местоимения, деепричастия и инфинитив. Мнения таджикских ученых по этому вопросу довольно малочисленны и ограничиваются лишь указанием на синтаксическую роль эпитета и на его адъективное выражение.

Высказываются мнения относительно количественных показателей эпифраз, среди которых выделяются одиночные, двойные и тройные эпитеты, причем таджикские ученые характеризуют одиночные эпитеты как «неполные» и не представляющие художественную ценность. В таджикской литературе большой популярностью пользуются именно распространенные, цепочечные эпитеты, так называемое «нанизывание» эпитетов, обозначаемое термином «сифатчинӣ».

Одним из вариантов для рассматриваемых языков является дифференциация эпитетов, во-первых, по степени их устойчивости в языке: выделяются свободные и постоянные эпитеты; во-вторых, с точки зрения их структуры - простые и сложные.

Анализ почерпнутого из таджикских художественных текстов материала позволил сделать вывод о том, что преобладающая часть эпитетов имеет адъективное выражение и представлена одиночными единицами, по структуре две трети из них являются простыми. Цепочечные эпитеты могут содержать два (27%), три (12%), четыре компонента (3%).

Кроме того, адъективы, определяющие субъект, более всего репрезентированы группой лексем, характеризующих лицо (56%) и указывающих на физические свойства лица или предмета (33%). В свою очередь, субстантивы в своей основной части представлены лексемами, номинирующими природные объекты и абстрактные понятия.

VI. Относительно сущности фигуры контраста антитезы в русском и таджикском языке сложилось общее мнение, согласно которому антитеза (тазод) - это средство выразительности, основанное на контрасте и противопоставлении понятий и образов.

В рассматриваемых языках существуют противоречивые мнения относительно природы антитезы: одни исследователи причисляют антитезу к тропам, определяя ее как средство выразительности лексического уровня, другие – к фигурам. В данном исследовании за основу были приняты выдвигаемые многими таджикскими учеными классификации, согласно которым антитеза так же, как метафора и метонимия, сравнение и эпитет, является тропом (санъати маънавӣ).

Функциональный потенциал антитезы реализуется в его экспрессивности и оценочности. С учетом лингвистического статуса антитезы, диапазоны ее типологии заданы с точки зрения 6 языковых аспектов: 1) по специфике функционирования антитезы; 2) по узуальности / окказиональности объектов; 3) по степени устойчивости компонентов; 4) по количеству сопоставляемых объектов; 5) по лексическому / синтаксическому критерию; 6) на основании грамматического / неграмматического противопоставления компонентов.

В таджикском языке дискуссионным остается вопрос о тождественности и противоречивости таких понятий, как «тазод» и «муқобала» / «мутобақа», отличающихся по функции противопоставления и соотношения слов с противоположной семантикой.

Классификация таджикских антитез, извлеченных из текстов современной таджикской малой прозы, позволила выявить следующие их особенности: а) антитезный план преимущественно строится на узуальных антонимах, выраженных различными знаменательными частями речи; б) наиболее продуктивна простая неосложненная антитеза; в) широкий спектр распространения имеют свободные антитезные конструкции; г) зачастую в построении антитезы принимают участие два объекта, сопоставляемые по схеме $n - n$; д) превалирующая часть антитез представлена однословными компонентами; е) случаи использования грамматической антитезы единичны.

VII. Относительно определения дефиниции гиперболы в сопоставляемых языках сформировалось единое мнение, которое заключается в следующей ее интерпретации: «Гипербола (муболиға) - средство выразительности, заключающееся в выражении не тождественного реальным объектам и явлениям нарочитого преувеличения или преуменьшения значения». Такое определение гиперболы указывает на наличие двух семантических вариантов гиперболы, заключающихся в максимизации и минимизации признака. Вместе с тем «минимизация признака» может рассматриваться в качестве самостоятельного средства выразительности - в русском языке как «литота», в таджикском - как «тасғир».

Наиболее важными составляющими функционального потенциала гиперболы являются интенсификация выразительности, эмоциональная и эстетическая функции.

Семантический аспект послужил основой выделения в таджикском языке таких разновидностей гиперболы, как *игроқ* и *гулув*.

Таксономия гиперболы как лингвистического феномена в русском языке остается дискуссионной, поскольку существуют различные классификации, основанные на разных принципах. Наиболее приемлемой для нашего исследования являлась классификация, в рамках которой дифференциация происходит по таким структурно-семантическим признакам, как: 1) степень освоенности; 2) степень устойчивости связей между компонентами; 3) уровневый критерий; 4) критерий ее взаимодействия с другими стилистическими средствами; 5) семантический критерий; 6) частеречная принадлежность. Основные языковые средства построения гиперболических конструкций в сопоставляемых языках представлены на словообразовательном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Лингвистический анализ таджикских гиперболизированных единиц позволил выявить, что большой популярностью среди современных таджикских писателей пользуются индивидуально-авторские гиперболы. По степени устойчивости наиболее востребованы свободные, не имеющие в своем составе фразеологизмов конструкции. Преобладающая часть исследованных образцов (более 60%) представлена осложненными конструкциями, в которых гиперболизация происходит за счет наложения других стилистических приемов. Продуктивными являются гиперболические сравнения (27% от общего числа осложненных гипербол), гиперболические метафоры (22%), гиперболические антитезы (18%), гиперболические эпитеты (7%). Исследование уровневой реализации гиперболических единиц таджикского языка показало, что большей интенсивностью и эмоциональностью отличаются гиперболы, раскрывающие смысл на уровне выражения и предложения.

VIII. Точка зрения таджикских ученых относительно интерпретации иронии полностью совпадает со сложившимся определением ее в русской лингвистике, которое можно выразить посредством следующей дефиниции этого термина: «Ирония (киноя) – средство выразительности, заключающееся в нарочитой тонкой или скрытой насмешке над отрицательными явлениями, облеченной в форму положительной характеристики».

Основополагающей функцией иронии является субъективно-оценочная. Относительно вопроса определения единицы иронии и ее структурно-семантической классификации в русской лингвистике не сложилось общего мнения, а в таджикской лингвистической науке эти вопросы не стали предметом исследования. Основными вербальными репрезентантами иронии в двух языках являются языковые средства морфологического, лексического, синтаксического уровней. Наиболее распространенными репрезентантами иронии в таджикском языке следует признать паремии и фразеологизмы. Продуктивны в этой роли гипербола и сравнение.

IX. Сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов показал, что передача рассматриваемых средств выразительности с таджикского языка на русский в большинстве случаев достаточно

адекватна, то есть при переводе сохраняется образность и семантическая наполняемость конструкций. Обращает на себя внимание тот факт, что на лексическом уровне авторы переводов максимально точно передают средства выразительности оригинала, удачно подбирают лексемы переводящего языка, в той или иной мере стилистически соответствующие исходному языку.

Ослабление образности и экспрессивности, даже потеря тех или иных средств выразительности, объясняется наличием национальных особенностей в стилистических и грамматических системах двух участвующих в процессе перевода языков.

Таким образом, проведенное комплексное исследование обеспечило достижение поставленной цели и решение соответствующих задач, а также заложило основу для осуществления дальнейшего исследования средств выразительности всех уровней таджикского языка и последующего их сопоставления с образными средствами других языков. Каждое из средств выразительности может стать самостоятельной областью исследований в лингвистическом и сопоставительном направлениях.

Список цитируемой литературы

1. Аристотель. Поэтика. Риторика /Аристотель. – СПб: Азбука-классика, 2010. – 120с.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д.Арутюнова. - 2-е изд.– М.: Наука, 1990. – 341с.
3. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И.Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 628с.
4. Зехни, Т. Санъати сухан / Т.Зехни. – Душанбе: Маориф, 1992.– 304с.
5. Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию / М.В.Ломоносов. // Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 315с.
6. Мачидов, Х. Усулҳои сермаъношавии калимаҳо / Х.Мачидов. // Маърифат. – 1998. - №1-2. - С.10-13.
7. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н.Складаревская. – СПб: ВО «Наука», 1993. – 152с.
8. Удинская, А.Г. Метонимичные переносы каузального типа для обозначения человека в английском и украинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Удинская Алла Геннадиевна. - Донецк, 2007. – 23с.
9. Шарифов, Х. Каломи бадеъ / Х.Шарифов. - Душанбе: Маориф, 1991. – 160с.

Словари

10. Мирзозода, Х. Луғати мухтасари истилоҳоти адабиётшиносӣ. / Х.Мирзозода. – Душанбе: Маориф, 1992. – 240с.
11. Назарзода, С., Сангинов А., Каримов С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ: в 2 т. / С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов. – Душанбе: «Шуҷоиён», 2010. - [ФТЗТ]

12. Осими, М.С. Русско-таджикский словарь / М.С. Осими. – М.: Русский язык, 1985. - 1280с.- [РТС]
  13. Саймиддинов, Д., Холматова С.Д., Каримов С. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Д.Саймиддинов, С.Д.Холматова, С. Каримов. – Душанбе: Пайванд, 2006. - 789с. - [ФТР]
  14. Табаров, С.Ш. Фарҳанги русӣ ба тоҷикии истилоҳоти адабиётшиносӣ / С.Ш.Табаров. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 277с.
- Источники**
15. Баҳманёр. Аспи обӣ: маҷмӯаи ҳикояҳо / Баҳманёр. – Душанбе: Адиб, 1988. – 192с.
  16. Баҳманёр. Водяной конь. Мохноногий петушок Помпон. Год саранчи. Песнь идущего в петлю. Цена жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/avtor/hurs1947yandex> (дата обращения: 4.04.2016г.)
  17. Кухзод, У. Роҳи паси ағба: Повест ва хикояҳо / У.Кӯҳзод. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 384с.
  18. Кухзод, У. Заблудший календарь (Сборник повестей и рассказов) / У.Кухзод. – Душанбе: Адиб, 1991. – 384с.
  19. Самад, А. Талош / А.Самад. – Душанбе: Адиб, 2002. - 384с.
  20. Самад, А. Зигзаги судъбы. Повести и рассказы / А.Самад. – Душанбе: Русская литература, 2018. – 168с.

Основные положения диссертации и полученные результаты отражены в следующих публикациях автора:

I. Монографии:

1. Султанова Р.М. Лексические средства выразительности в русском и таджикском языках: метафора и метонимия: монография / Р.М.Султанова. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 108с.
2. Султанова Р.М. Сопоставительный анализ стилистических средств выразительности в русском и таджикском языках: сравнение и эпитет: монография / Р.М.Султанова. – Душанбе: РТСУ, 2020. –122с.

II. Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

3. Султанова, Р.М. Трансформация стилистических приемов в рассказах Баҳманёра при их переводе на русский язык / Р.М.Султанова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2016. - № 1 (56). – С.144-149.
4. Султанова, Р.М. О феномене переводимости/непереводимости в теории перевода / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2017. - № 4/1. – С.89-94.
5. Султанова, Р.М. К вопросу об эквивалентности стилистических трансформаций / Р.М.Султанова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2016. - № 2 (58). – С.56-59.

6. Султанова, Р.М. Проблемы поиска полного соответствия при переводе фразеологических единиц / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2017. - № 4/4. – С.85-88.
7. Султанова, Р.М. О некоторых особенностях стилистических приемов перевода / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2017. - № 4/5. – С.120-124.
8. Султанова, Р.М. Проблемы перевода метафор / Р.М.Султанова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2017. - № 4 (60). – С.203-208.
9. Султанова, Р.М. Проблемы передачи стилистических приемов при переводе / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2018. - № 2. – С.88-93.
10. Султанова, Р.М. Особенности использования стилистических приемов в современной русской малой прозе / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2018. - № 6. – С.99-104.
11. Султанова, Р.М. Использование метонимии как стилистического приема в современной русской малой прозе / Р.М.Султанова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2018. - № 3 (63). – С.156-164.
12. Султанова, Р.М. Окказионализмы как экспрессивно-стилистический ресурс словообразования / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2019. - № 1. – С.185-191.
13. Султанова, Р.М. Способы экспликации средств выразительности лексического уровня в таджикском языке / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2019. - № 2. – С.34-40.
14. Султанова, Р.М. Системность метафорических переносов в таджикском языке / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2019. - № 5. – С.161-168.
15. Султанова, Р.М. К вопросу об изучении метафоры в таджикском языке / Р.М.Султанова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. - № 2 (66). – С.161-169.
16. Султанова, Р.М. Особенности передачи таджикских метафорических единиц на русский язык / Р.М.Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2019. - № 6. – С.148-154.
17. Султанова, Р.М. К проблеме изучения метонимии в таджикском языке / Р.М.Султанова // Вестник университета (Российско-Таджикский

(Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. - № 3 (67). – С.174-183.

18. Султанова, Р.М. Сравнение и аспекты его изучения в таджикском языке / Р.М. Султанова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. - № 1 (70). – С.116-124.

19. Султанова, Р.М. К вопросу об интерпретации термина «сравнение» в русском и таджикском языках / Р.М. Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2020. - № 3. – С.136-141.

20. Султанова, Р.М. Способы передачи таджикских эпитетов на русский язык / Р.М. Султанова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им.С.Айни, 2020. - № 2. – С.54-59.

21. Султанова, Р.М. Структура компаративных конструкций в русском и таджикском языках / Р.М. Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2020. - № 5. – С.162-166.

22. Султанова, Р.М. Морфологические и структурные типы эпитетов таджикского языка / Р.М. Султанова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им.С.Айни, 2020. - № 3. – С.23-28.

23. Султанова, Р.М. Антитеза: аспекты исследования в русском и таджикском языках / Р.М. Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2021. - № 1. – С.52-60.

24. Султанова, Р.М. Лингвистический анализ гиперболических конструкций таджикского языка / Р.М. Султанова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2021. - № 1. – С.81-89.

III. Статьи в журналах, индексируемых в базах Scopus и Web of Science:

25. Sultanova, R.M. Peculiarities of the Transferring of Stylistic Techniques and Devices in the Process of Translation of Tajik Literary Prose / R.M Sultanova // Advance in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). Volume 312. International Conference "Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (TRHD 2018) – С.422-426.

IV. Другие публикации:

26. Султанова, Р.М. Лексико-стилистическая трансформация в художественном переводе (на примере перевода рассказов Бахманёра) / Р.М. Султанова // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка: матер.международ.науч.-практ.конф. – Душанбе: ТГИЯ, 2016. – С.67-70.

27. Султанова, Р.М. Особенности лексико-семантических трансформаций в переводах рассказов Бахманёра / Р.М. Султанова // Актуальные проблемы русской филологии, сравнительной типологии и перевода: матер.международ. науч.-практ. конф. – Душанбе: ТНУ, 2016. – С.35-39.

28. Султанова, Р.М. Фразеологический перевод как способ достижения переводимости / Р.М.Султанова // Интеграционные процессы в науке в современных условиях: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Казань: НИЦ Аэтерна, 2016. – С.88-93.
29. Султанова, Р.М. Нефразеологический перевод как способ передачи содержания устойчивых единиц / Р.М.Султанова // Роль Российско-Таджикского (Славянского) университета в становлении и развитии науки и инновационного образования в Республике Таджикистан: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ. – С.319-323.
30. Султанова, Р.М. Эквивалентность перевода на русский язык таджикских фразеологизмов (на материале художественных текстов) / Р.М.Султанова // Русский язык и литература: современные проблемы и инновационные пути развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Душанбе, ТНУ, 2017. – С.288-294.
31. Султанова, Р.М. Основные характеристики средств выразительности на лексическом и синтаксическом уровнях в русском и таджикском языках / Р.М.Султанова // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2017. – С.25-30.
32. Султанова, Р.М. Конкретизация как гипонимо-гиперонимическая трансформация при переводе / Р.М.Султанова // Русский язык и литература в странах СНГ: статус, проблемы и перспективы: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Душанбе: ТГИЯ, 2017. – С.273-280.
33. Султанова, Р.М. Использование приема генерализации при переводе таджикской малой прозы / Р.М.Султанова // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: матер. IX междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: НИЦ Аэтерна, 2017. – С.97-101.
34. Султанова, Р.М. Применение приема смыслового развития при переводе / Р.М.Султанова // Актуальные проблемы преподавания русского языка в современной языковой ситуации: матер. респуб. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2017. – С.153-155.
35. Султанова, Р.М. О проблемах перевода лексических средств выразительности: ирония / Р.М.Султанова // Наследие С.Айни в контексте современных проблем филологии: матер. респуб. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2018. – С.239-250.
36. Султанова, Р.М. Роль метафоры в современной русской малой прозе / Р.М.Султанова // XXII Славянские чтения: матер. вузов. науч.-практ. – Душанбе: РТСУ, 2018. – С.19-23.
37. Султанова, Р.М. Проблемы переводимости на русский язык таджикских фразеологических единиц / Р.М.Султанова // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2018. – С.129-133.
38. Султанова, Р.М. Специфика функционирования лексических средств выразительности в русском и таджикском языках / Р.М.Султанова // XXIII Славянские чтения: матер. вузов. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2019. – С.11-14.

39. Султанова, Р.М. Типология метафорических переносов в русском и таджикском языках / Р.М. Султанова // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2019. – С.26-29.
40. Султанова, Р.М. О проблемах передачи таджикских метонимических единиц на русский язык / Р.М. Султанова // Проблемы формирования вторичной языковой личности на занятиях в школе и вузе: матер. респуб. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С.155-161.
41. Султанова, Р.М. Некоторые особенности передачи сравнительных конструкций с таджикского языка на русский / Р.М. Султанова // XXIУ Славянские чтения: матер. вузов. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С.17-22.
42. Султанова, Р.М. Метафора как средство вторичной номинации в русском языке / Р.М. Султанова, И. Давыдова // XXIУ Славянские чтения: матер. вузов. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С.63-66.
43. Султанова, Р.М. Теоретические предпосылки изучения эстетических ресурсов русского языка / Р.М. Султанова, С. Махмудова // XXIУ Славянские чтения: матер. вузов. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С.66-70.
44. Султанова, Р.М. Освещение теории эпитета в таджикском языке / Р.М. Султанова // Образование и наука в современных реалиях: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2020. – С.119-124.
45. Султанова, Р.М. Семантический состав таджикских эпитетов / Р.М. Султанова // Fundamental Science and technology-promising developments: матер. междунар. науч.-практ. конф. –North Charleston, USA: НИЦ «Академический», 2020. – С.77-83.
46. Султанова, Р.М. Показатели сравнительных отношений в таджикском и русском языках / Р.М. Султанова // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С.26-29.
47. Султанова, Р.М. Применение лексических трансформаций при переводе таджикских эпитетов на русский язык / Р.М. Султанова // Лингвистические основы преподавания русского языка в вузе и школе: матер. межвузов. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2021. – С.34-39.
48. Султанова, Р.М. Освещение теории сравнения в русском и таджикском языках / Р.М. Султанова, Ф. Хакназарова // Лингвистические основы преподавания русского языка в вузе и школе: матер. межвузов. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2021. – С.15-19.
49. Султанова, Р.М. Определение природы эпитета в русском и таджикском языках / Р.М. Султанова, М. Нозимова // Лингвистические основы преподавания русского языка в вузе и школе: матер. межвузов. науч.-практ. конф. – Душанбе: РТСУ, 2021. – С.5-8.
50. Султанова Р.М. Эстетика в языке. Рабочая тетрадь: учебное пособие для студентов филологического факультета / составитель Р.М. Султанова. – Душанбе: РТСУ, 2017. – 107с.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 27.09.2021. Подписано в печать 28.09.2021.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Услов. печ. л.3.
Тираж 100 экз. Заказ № 920.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30